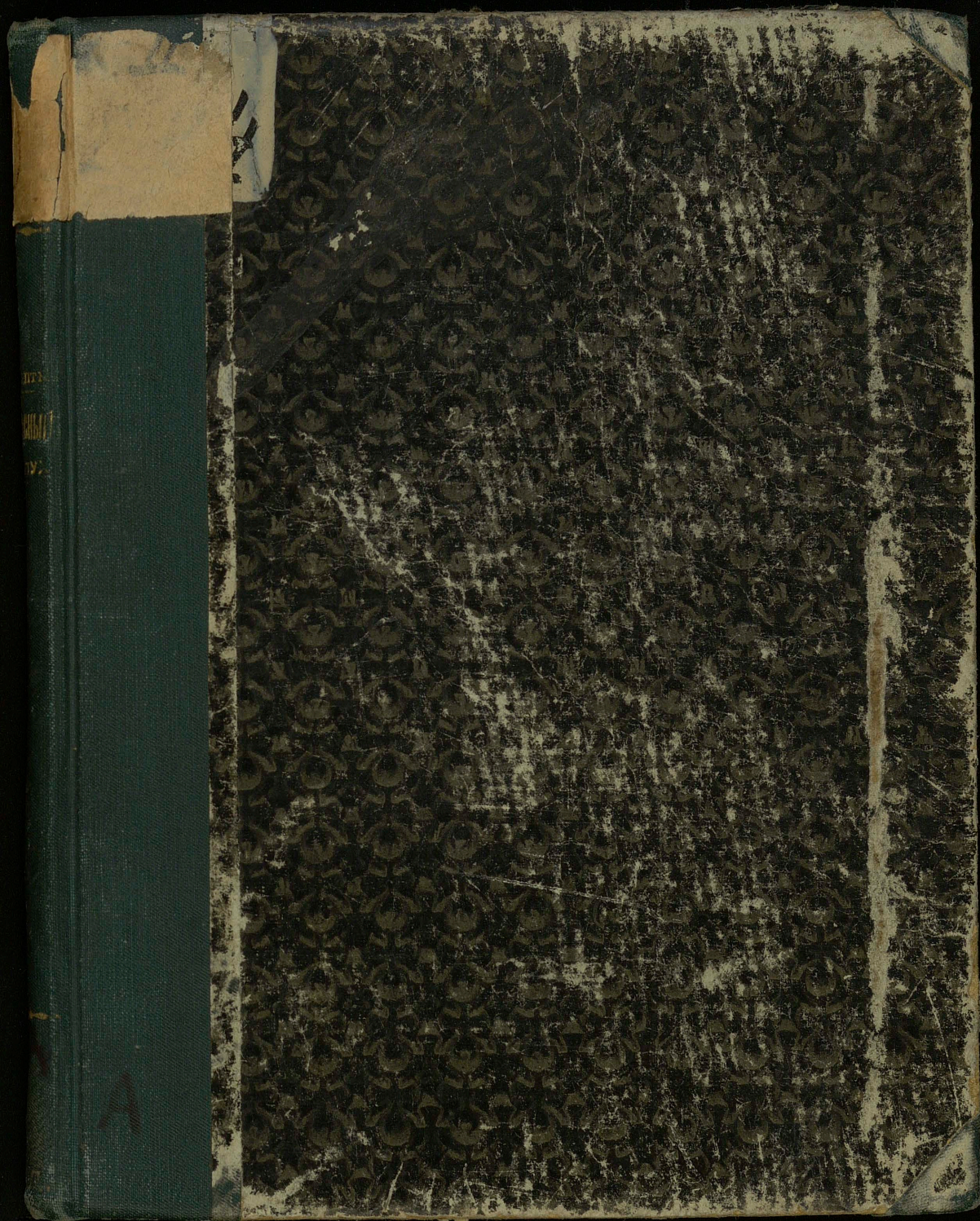

К

211 $\frac{4}{11}$

К

Б. и - 839 - 2-24

Д. 135

ПРОБЕЖА
В 1934 Г.

839

№ 6235

ГЕРГАРТЪ ГАУПТМАНЪ

КРАСНЫЙ

Б. и
Гай 24

Гауптман Герх

ПѢТУХЪ

+

ТРАГИКОМЕДИЯ.

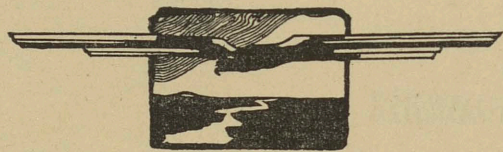
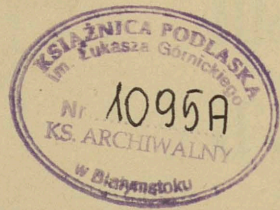
Miejska Biblioteka
2433
w B
Biblioteka Centralna Państwa

ПЕРЕВОДЪ

Ю. БАЛТРУШАЙТИСА и В. САБЛИНА.

22664

Белорусская им. Горького
г. Велюстор

Дозволено цензурою. Москва, 12 декабря 1901 г.

ТОВАРИЩЕСТВО ТИПОГРАФИИ А. И. МАМОНТОВА.
МОСКВА, ЛЕОНТЬЕВСКИЙ ПЕР., Д. № 5

КРАСНЫЙ ПЪТУХЪ

74

Изданія В. М. Саблина.

Генрикъ Ибсенъ. Женщина съ моря. Цѣна 40 коп.
Артуръ Шницлеръ. Забава. Цѣна 50 коп.

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Поль Эрве. Пессимизмъ и современный театръ.
Августъ Стриндбергъ. Кредиторы. Трагикомедія въ прозѣ.

ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

Роде. Гауптманъ и Ницше.
Брандесъ. Максимъ Горькій.
Артуръ Шницлеръ. Сочиненія.
Морисъ Метерлинкъ. Сочиненія.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Филицъ, сапожникъ и полицейскій шпіонъ, — подь шестьдесятъ.

Фрау Филицъ, по первому браку Вольфъ, его жена. — Тоже подь шестьдесятъ.

Леонтина, ея старшая дочь отъ перваго брака, — подь тридцать.

Шмаровскій, строитель.

Ланггейнрихъ, кузнецъ 30 лѣтъ.

Раухгауптъ, прусскій жандармъ въ отставкѣ.

Густавъ, его старшій сынъ, идіотъ.

Мица	Лизхенъ	} его дочери.
Лотта	Марихенъ	
Труда	Тинхенъ	
Ленхенъ	Ганнхенъ	

Докторъ Боксеръ, крѣпкаго тѣлосложенія, 36 лѣтъ, врачъ — іудейскаго вѣроисповѣданія.

Фонъ Верганъ, старшина.

Эде, кузнецъ — подмастерье у Ланггейнриха.

Глазенапъ, писарь.

Шульце, жандармъ.

Фрау Шульце, его тетка.

Чахе, жандармъ.

Пожарный.

Мальчикъ.

Служитель.

Крестьяне.

Мѣсто дѣйствія — гдѣ нибудь подь Берлиномъ

Время дѣйствія — борьба противъ закона Гейнце.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Мастерская сапожника ФИЛИЦА. Низкая комната, оштукатуренная и покрашенная голубой краской. Направо окно. Въ средней и лѣвой стѣнѣ по двери. Направо подъ окномъ возвышеніе, на немъ нѣсколько скамеечекъ и маленькій рабочий столикъ. На окнѣ подставка съ тремя стеклянными, наполненными водой шарами, между которыми стоитъ еще не зажженная керосиновая лампочка. Налѣво, въ углу, коричневая изразцовая печь съ плитой, скамейка и тутъ же всевозможная кухонная посуда. Сапожникъ ФИЛИЦЪ сидитъ, еще скорчившись, за работой. На возвышеніи и около него лежатъ нагроможденные другъ на друга старые сапоги и башмаки разныхъ размѣровъ. Онъ ловко отбиваетъ кусокъ кожи.

ФРАУ ФИЛИЦЪ, по первому браку вдова Вольфъ, сосредоточенно возится съ деревяннымъ ящичкомъ средняго размѣра и стеариновой свѣчкой. Ближе къ вечеру
Конецъ сентября.

Филицъ. Ну-ка, уходи изъ мастерской!.. Проваливай!

Фрау Филицъ. Отрывисто. Кто тамъ еще придетъ? Уже седьмой часъ!

Филицъ. Уходи изъ мастерской... со всей этой дрянью!

Фрау Филицъ. Да не будь же дуракомъ! Что плохого въ этомъ ящичкѣ?.. Ничего въ деревянномъ ящичкѣ плохого нѣтъ!

Филицъ. Озлобленно продолжаетъ работать. А то еще хорошее? А?

Фрау Филицъ. По прежнему, сосредоточенно, полу-шутливо. Вотъ до этого мѣста будутъ стружки... А здѣсь вотъ посередкѣ свѣчка.

Филицъ. Ну ты, мать, ужъ слишкомъ заумничалась! Если и дальше съ твоимъ умомъ такъ пойдетъ, придется мнѣ еще, чего добраго, въ Плетцское озеро окунуться.

Фрау Филицъ. Грубо. Ну, еще бы! и на минуту не можешь быть внимательнымъ! Можешь, я думаю, выслушать, когда съ тобой говорятъ... Интересно же это!

Филицъ. Я интересуюсь своей обувью, и ничѣмъ больше не интересуюсь.

Фрау Филицъ. Ну, еще бы! Господи! Этимъ не разживешься! Такъ бы и совсѣмъ съ голоду умерли... Съ одной починкой! Подумаешь, какое дѣло! Свѣчку приладимъ внутри!— Понялъ? — Ящикъ этотъ слишкомъ малъ. Вонъ тотъ ящикъ годится... Выкину изъ него дѣтскую обувь. Опрокидываетъ ящикъ съ дѣтской обувью.

Филицъ. Испуганно. Оставь ты эти глупости. Понимаешь?

Фрау Филицъ. А теперь зажечь свѣчку... поставить ее посреди ящика конечно такъ, чтобы крышка не загорѣлась. А тогда ставь спокойно на полъ... самъ Грабовъ по другому не дѣлалъ... среди всего этого старого хлама... и преспокойно кати въ Берлинъ... А прїѣдешь назадъ...

Филицъ. Тсс... кто-то идетъ. Тише...

Фрау Филицъ. А тамъ ужъ самъ чортъ не доберется.

Продолжительная пауза.

Филицъ. Когда бы все такъ просто было! Ты думаешь, все это такъ просто? Во-первыхъ, тутъ надо сдѣлать дырочки для воздуха. Понятно, шиломъ... Надо просверлить... Чтобы горѣло,—надо, чтобы тяга была. Коли тяги не будетъ, погаснетъ. Огню нужна тяга, а то онъ и горѣть не будетъ. Это можетъ только понимающій сдѣлать.

Фрау Филицъ. Ну, такъ тебѣ, старикъ, легко это устроить.

Филицъ. Забываясь, съ возрастающимъ увлеченіемъ. Вотъ гдѣ надо, чтобы тяга была... и здѣсь должна быть тяга! И все чтобы аккуратно было прилажено... и стружки, и тряпки... и все хо-

рошенько керосиномъ облить. Мнѣ это, мать, все не въ первой. Я шесть лѣтъ по разнымъ людямъ жилъ.

Фрау Филицъ. Вотъ, вотъ! поэтому я и говорю!

Филицъ. Можно и губку, а то и тесемку, только хорошенько вымочить въ селитрѣ. Можно и съ зажигательнымъ стекломъ... Шаговъ на двадцать дѣйствуетъ! Всего, мать, бывало! Меня ничѣмъ не удивишь! Я то ужъ знаю.

Фрау Филицъ. Грабовъ опять отстроился. А если бы у него духу не хватило, давно бы ужъ валялся на улицѣ.

Филицъ. Да, кому вода подойдетъ до сихъ поръ, т. е. по самую шею, тому ничего больше не остается.

Фрау Филицъ. А другіе вотъ все дожидаются, пока со всѣмъ не потонуть. Слышенъ звонокъ.

Филицъ. Отставь ящикъ! Поди отвори! Входитъ старшина фонъ-Верганъ въ толстомъ клѣтчатомъ пальто, высокихъ сапогахъ и мѣховой шапкѣ.

Верганъ. Добрый вечеръ, Филицъ! Ну, какъ насчетъ сапоговъ? .

Филицъ. Готовы, г. старшина.

Фрау Филицъ. Ты бы хотъ огонь зажечь, чтобы г. фонъ-Вергану повиднѣе было.

Верганъ. А, тетушка Вольфъ! Какъ живете-можете?

Фрау Филицъ. Совсѣмъ ужъ я теперь не тетушка Вольфъ!

Верганъ. Ого, да вы загордились! Что, Филицъ? Носъ-то она высоко задираетъ! Бросилось въ голову?

Фрау Филицъ. Изъ-за чего же задирать-то? Изъ-за какой-то свадьбы? Я вдовой-то гораздо лучше жила!

Филицъ. Вынувъ колодки изъ сапоговъ Вергана. И оставалась бы себѣ вдовой!

Фрау Филицъ. Если бы я раньше знала, какой ты человекъ, ужъ, конечно бы, не торопилась. Такого старого, да кривоногого хрыча, какъ ты, я бы всегда нашла!

Верганъ. Ну, потише, потише!

Филицъ. Бросьте! Почти съ подобострастной услужливостью. Если бы

вы были такъ любезны и соблаговолили разуть правую ногу! Позвольте, я сниму. Такъ! А теперь ужъ будьте такъ добры, поставьте ногу сюда, на ящикъ.

Фрау Филицъ. Съ зажженной лампой. Какъ здоровье супруги вашей, г. баронъ?

Верганъ. Благодарю, хорошо! Вотъ только все безъ тетушки Вольфъ горюетъ.

Фрау Филицъ. Нѣтъ, куда ужъ тутъ! Я на васъ тридцать лѣтъ стирала. Сыта по-горло! Вы бы на мои ноги ваглянули, жилы раздуло прямо съ кулакъ... Оттого, что всю жизнь за лоханкой простояла. По всему тѣлу шишки, во всѣхъ суставахъ ревматизмъ! Лѣчишься, лѣчишься и конца нѣтъ. Вѣчно приходится въ платки или еще во что-нибудь кутаться, а то цѣлый день мерзнешь!

Верганъ. Ну да, понятно, Фрау Вольфъ!

Фрау Филицъ. Прежде бы я съ кѣмъ угодно поспорила! Раньше у меня была такая комплекція, что рѣдко кто могъ за мной угнаться! А теперь... эхъ, теперь все переѣнилось!

Филицъ. Ну, кричи, кричи еще громче, коли можешь.

Верганъ. Что же, вамъ это извинительно, фрау Филицъ, кто столько поработалъ, какъ вы, тотъ имѣетъ право пожить на покой.

Фрау Филицъ. Ну, какъ сказать! Житье не Богъ вѣсть какое. Нужды большой нѣтъ, это правда. Даетъ Филипу дружескій подзатыльникъ. Онъ свое дѣло дѣлаетъ. Ужъ это, могу сказать, никто не лѣнится. Если бы къ этому и здоровье!.. Въ субботу мнѣ опять къ доктору придется ѣхать. Онъ меня лѣчитъ электрической машиной. Не смѣю сказать а кажется, помогаетъ. Но эти постоянныя поѣздки въ Берлинъ, и каждый разъ за электричество пять марокъ, просто не знаешь, откуда и доставать!

Филицъ. А докторамъ только и знай, что подавай денежки!

Верганъ. Ступаетъ ногой въ новомъ сапогѣ. Всѣ мы не молодѣемъ, фрау Филицъ! Я это тоже ужъ порядкомъ чувствую.

Законъ природы! Назадъ противъ теченія не поплывешь! Просто-на-просто — къ отвѣту!! Вамъ, впрочемъ, грѣхъ жаловаться. Я только-что слышалъ, вашъ зять выдержалъ экзамень. Чего же вамъ? Все, значить, идетъ по вашему желанію.

Фрау Филицъ. Да, конечно, это радуетъ! Ему теперь въ строителяхъ легче будетъ пробиться. Къ тому же онъ... Ну, да онъ стоитъ этого.— Чего онъ только въ дѣтствѣ не вытерпѣлъ! Да, мнѣ жилось не очень хорошо, но такой отецъ и эта женщина...

Верганъ. Шмаровскій человѣкъ основательный! За Шмаровскаго я никогда не боялся. Это ему ваша Адельгейдъ счастье принесла. Помните, я говорилъ вамъ тогда. Вы прибѣжали тогда ко мнѣ, когда ужъ все дѣло пошло на разладъ, а я указалъ вамъ на пастора Фридрици. Вотъ тутъ поймешь, что такое попеченіе о душѣ! Молодой человѣкъ — всегда молодой человѣкъ и если онъ живетъ хорошо, по-христіански, то иногда по этому самому онъ и можетъ забыться. Ну, тогда ужъ дѣло духовника уговорить его.

Фрау Филицъ. Да, да, вы совершенно правы! Я этого никогда не забуду ни вамъ, ни господину пастору. Еслибъ Шмаровскій тогда дѣвченку бросилъ, она, какъ Богъ святъ на себя бы руки наложила!

Верганъ. И много такихъ примѣровъ, фрау Филицъ, разъ въ деревнѣ есть пасторъ и церковь. И храмъ Божій, который мы общими силами выстроили, ужъ многимъ благословеніе принесъ. Ну, добрый вечеръ! Будьте здоровы! Да, что я еще хотѣлъ сказать?! Филицъ! Собраніе насчетъ флота будетъ въ понедѣльникъ, утромъ. Вы, навѣрно, будете?

Фрау Филицъ. Конечно, будетъ!

Филицъ. Ну, еще бы!

Верганъ. Вы мнѣ необходимы, Филицъ. Зайдите ко мнѣ въ воскресенье. Очень важно, чтобы мы заранѣе пришли къ соглашенію. Я вамъ представлю нѣкоторыя соображенія, нѣкоторыя... замѣчательныя соображенія, Филицъ! И мы должны

на нихъ твердо стоять. Добрый вечеръ! Не забывайте, намъ необходимъ сильный флотъ!

Филицъ. Это дѣйствительно. Безъ флота никакъ невоз-
можно. Верганъ уходитъ.

Филицъ. Убери ты свѣчку, пожалуйста!

Фрау Филицъ. Какой ты трусъ, Антонъ! Вотъ ужъ на-
стоящій трусъ! Беретъ свѣчку изъ ящика. Почти одновременно Раухгауптъ от-
воряетъ дверь и заглядываетъ въ комнату.

Раухгауптъ. Добрый вечеръ, хозяинъ! Не помѣшаю?

Филицъ. — — — — —

Фрау Филицъ. Ахъ, вы!.. Милости просимъ!

Раухгауптъ. А кузнеца Ланггейнриха еще нѣтъ?

Фрау Филицъ. Развѣ онъ хотѣлъ придти? Нѣтъ, еще
нѣту!

Раухгауптъ. Мы сговорились съ нимъ.. Я крестъ на
могилу принесъ. Эй, Густавъ! Тащи-ка сюда крестъ! Густавъ при-
носитъ кованый чугунный надмогильный крестъ съ надписью Поставъ его сюда,
на ящикъ!

Филицъ. Быстро. Нѣтъ, Эдуардъ! Сюда нельзя, еще проло-
мить!

Раухгауптъ. Ну такъ поставъ его къ стѣнѣ!

Фрау Филицъ. Наконецъ - то, покончили! Кричитъ въ дверь.
Леонтина, сойди-ка сюда!

Раухгауптъ. У меня много и другихъ дѣлъ! Я еще но-
вый парникъ устраиваю.

Фрау Филицъ. Опять новый? Не унимаетесь. Настоящій
вы кротъ, Раухгауптъ. И какъ это человѣкъ можетъ такъ
рыться въ землѣ?

Раухгауптъ. Самое подходящее для человѣка занятіе,
хозяйка. Всѣ мы изъ земли созданы, и всѣ въ землю превра-
тимся. Отчего же мнѣ и не рыться въ землицѣ? Нюхаетъ изъ та-
бакерки, которую ему протягиваетъ Филицъ. И это землею пахнетъ, Фи-
лицъ! Такъ же хорошо, какъ свѣжая земля.

Входитъ Леонтина, на талии у нея висятъ ножницы, на пальцѣ наперстокъ.

Леонтина. Ну, вотъ я, мама. Чего тебѣ?

Фрау Филицъ. Вотъ онъ эпитафію папѣ принесъ.

Леонтина и фрау Филицъ задумчиво разсматриваютъ крестъ.

Фрау Филицъ. Зажги-ка свѣчку! Передаетъ ей свѣчку, съ кото-
рой она передъ этимъ производила опыты. Прочтемъ-ка надпись.

Раухгауптъ. Да, ужъ здорово пришлось поломать го-
лову! Ну ужъ этой надписью, надѣюсь, останетесь довольны!
Хоть три раза все кладбище обойдите, а лучше не найдете!
Ужъ я самъ удостовѣрился! Садится на возвышеніе и опять набиваетъ
носъ табакомъ.

Фрау Филицъ. Свѣтитъ и читаетъ по складамъ. Здѣсь почиетъ...

Леонтина. Читаетъ дальше... Въ Бозѣ...

Раухгауптъ. Да, здѣсь стоитъ „въ Бозѣ“. Я хотѣлъ
раньше написать „въ Господинѣ нашемъ и Богѣ“... А потомъ,
знаете... господиномъ то теперь каждый можетъ быть!

Фрау Филицъ. Читаетъ дальше дрожащимъ голосомъ. Здѣсь по-
чиетъ въ Бозѣ незабвенный плотникъ... Причитаетъ. Ахъ, это... ахъ,
это такъ ужасно! Онъ былъ самый лучшій человѣкъ во всемъ
мірѣ! Ужъ мнѣ то вы можете повѣрить, — такихъ, какъ онъ, те-
перь и нѣтъ совсѣмъ!

Леонтина. Читаетъ дальше. Незабвенный плотникъ Юліанъ
Вольфъ... Всхлипываютъ.

Филицъ. Бросьте вы! Отъ хныканья покойники все равно
не оживаютъ. Протягиваетъ Раухгаупту бутылку съ водкой. На-ка, Эдуардъ,
подкрѣпись! Все это ни къ чему! Встаетъ и отряхиваетъ синий фартукъ,
какъ человѣкъ, покончившій съ работой.

Раухгауптъ. Показываетъ бутылкой. А стихи эти я самъ со-
чинилъ! Давайте я прочту! Слушайте:

„Мы всѣ грѣховны въ мѣрѣ равной“

Другой бы на этомъ и сѣлъ! —

„Какъ нищій, такъ и принцъ державный,

Но этотъ человѣкъ всегда

Невиненъ, чистъ былъ, какъ вода“.

Женщины плачутъ сильнѣе. Онъ продолжаетъ. Все это я написалъ бѣлой

краской, а здѣсь слово „въ Бозѣ“ — синей. Пьетъ. Входитъ кузнецъ Ланггейрихъ. Все время смотритъ, не отрываясь, въ глаза Леонтина.

Ланггейрихъ. Ну, скажи, пожалуйста, Раухгауптъ! Я тебя битыхъ полчаса ищу! Вѣдь я-жъ за тобой долженъ былъ зайти, глупая голова!—Или у васъ не благополучно?

Фрау Филицъ. Ахъ, оставьте вы меня въ покоѣ! Потеряешь такого человѣка, потомъ поди уживайся съ такими св... какъ вы!

Филицъ. Иди, Ладовигъ, подвигай себѣ скамейку! Дай ей въ себя притти.

Ланггейрихъ. Весело и лукаво. Не даромъ я всегда говорилъ, что смерть выдумалъ чортъ!

Фрау Филицъ. Мы больше двадцати лѣтъ прожили вмѣстѣ. И ни одного злого слова. А ужъ какой честный былъ! Никого ни разу въ жизни ни на одинъ пфеннигъ не обсчиталъ. А ужъ скромность! Даже и не зналъ, что такое водка. А дѣтей какъ воспиталъ... А вы только и знаете—что карты и попойки!

Леонтина. Густавъ мнѣ языкъ показываетъ.

Раухгауптъ. Хватаетъ сапожную колодку и въ бѣшенствѣ бросается на Густава, который дѣлаетъ Леонтинѣ гримасы и высовываетъ языкъ. Каналья! Я тебѣ голову расшибу! Вгонить меня въ могилу этотъ мерзавецъ! Умрешь съ нимъ со злости!

Ланггейрихъ. Да, вѣдь несчастная скотина ничего не понимаетъ.

Раухгауптъ. Хотъ бы околѣла эта сволочь... проклятый! Ужъ доведетъ онъ меня какъ-нибудь до бѣшенства... Еще убьешь собственнаго сына!

Филицъ. Помѣстилъ бы его въ смиренный домъ и веѣмъ непріятностямъ конецъ. Написать тебѣ, что ли, прошеніе? А?

Раухгауптъ. Самъ я не понимаю что ли въ твоихъ прошеніяхъ? Въ томъ то и бѣда, что онъ не опасенъ для общества! А! Да и весь свѣтъ то смиренный домъ! А что онъ кирпичами въ меня швыряетъ и замки взламываетъ, ключи

крадетъ—это они не считаютъ опаснымъ. И что луковицы у меня отъ тюльпановъ жретъ, это они все ни за что считаютъ! Вотъ тутъ и ворочайся, какъ знаешь!

Фрау Филицъ. Какъ это у Грабова то тогда случилось? Какимъ образомъ сгорѣлъ „Прусскій орелъ“?

Ланггейрихъ. Ну, Грабову самому такъ нужно было. У него никакой Густавъ не поджигалъ! Онъ безъ всякаго Густава обошелся!

Фрау Филицъ. Онъ, говорятъ, вѣчно пошаливаетъ со спичками?

Раухгауптъ. Густавъ пошаливаетъ? Не перестаетъ! Попади ему въ руки спичка,—бѣдѣ не миновать!.. — Мнѣ приходится прикрывать свои парники. Я и выстроилъ себѣ сарай для соломы. И знаете, что я вамъ скажу, хозяйка. Вѣдь спалилъ мнѣ, свинья! Дѣло было средь бѣла дня. Никто и не замѣтилъ. А у меня тамъ доски были заготовлены на весь участокъ. Такъ все и затрещало, чисто выстрѣлило.—Ну, а Грабовъ ужъ одинъ обдѣлалъ,

Фрау Филицъ. А я бы заявила, Раухгауптъ, на счетъ соломы то!

Раухгауптъ. Я не въ хорошихъ отношеніяхъ съ жандармомъ Шульце. Вѣчная исторія съ товарищами! Я выхлопоталъ себѣ пенсію, а ему это не нравится... Еще бы ему нравилось!.. Да, понятно, такъ и должно быть! И собственный участокъ у меня есть, и старуха у меня умерла! Ну, понятно, чего мнѣ скрывать? А? Кой что отъ нея получилъ! И что садоводство мнѣ немного даетъ,—никакъ онъ мнѣ этого всего простить не можетъ. Какъ же это? У Раухгаупта есть какія то средства, онъ не нуждается! Берегись у меня!.. Ну, вотъ и все.

Фрау Филицъ. А Фрицъ Грабовъ то какъ поправился!

Ланггейрихъ. Оживленно. Этимъ онъ всецѣло мнѣ обязанъ. Я было у него здорово влетѣлъ... какъ брандмейстеръ. Я сказалъ своимъ молодцамъ... Не помню... Пьянъ, должно быть, былъ! Ужъ очень здорово я выпилъ! Да и вся команда

пьяна была! Я имъ и говорю: Смотрите, чтобы камня на камнѣ не осталось! А то пойдутъ у Грабова вычеты за вычетами, и вся эта музыка, значить, ни къ чему. Только крикнулъ ужъ я это слишкомъ громко... Отошелъ шага на два.. Батюшки мои, а передо мной жандармъ Шульце! Стоить и глазъ не сводить. Будьте здоровы, говорю, за ваше здоровье, г. оберъ-вах-мистръ! Грабовъ тамъ пива выставилъ. Ну, онъ сразу сталъ любезенъ и выпилъ со мной.

Фрау Филицъ. Не понимаю, какъ это все наружу не вышло! Ничуть не прорвалось. Какъ это онъ такъ ловко устроилъ?

Ланггейнрихъ. Фрица Грабова всѣ любятъ!

Фрау Филицъ. Да вѣдь онъ и до трехъ то толкомъ считать не умѣетъ. А потомъ вѣдь и присягу пришлось приносить.

Раухгауптъ. Присягу то принять? Эка штука! Я такъ думаю, хозяйка, на всякій слѣчай это и вамъ знать надо. Кто его знаетъ? Каждый можетъ попасть въ такое положеніе. Присягу принести все равно, что пуговицу оторвать! Попробуйте сами, какъ по маслу сойдетъ! Смѣется.

Фрау Филицъ. Онъ опять за свои шутки! Никакихъ пуговицъ отъ штановъ отрывать мнѣ нечего. До этого я не дойду!—Теперь чей чередъ, мастеръ? Долженъ же скоро кто-нибудь горѣть!

Ланггейнрихъ. Кто его знаетъ? Со всѣми возможно! Вотъ у Штромбергеровъ все рассыпается. Дождь въ самыя комнаты хлещетъ.—Ну, пора ужъ! Все это шутки!

Фрау Филицъ. А кто же горячаго грога выпьетъ?

Филицъ. Оставайся безъ разговоровъ!

Ланггейнрихъ. Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ надо! Обхватываетъ Леонтина; она, не спѣша, съ презрительнымъ выраженіемъ лица освобождается изъ его объятій. А то старуха не слышитъ, какъ я внизу гроыхаю,—придешь домой, а тамъ ужъ ручьи слезъ текутъ.

Леонтина. Это все изъ ревности, мама!

Фрау Филицъ. Грѣшки за нимъ водятся. Она въ этомъ права. Ну, принимайся-ка за свою работу!—Какъ здоровье-то хозяйки?

Ланггейнрихъ. Плохо! Какъ же еще?

Леонтина. Не перестанешь меня травить, пока въ чашотку не вгонишь.

Фрау Филицъ. Можетъ отъ чего другого, а не отъ шитья. Таскаться любишь!

Ланггейнрихъ. Обнимая фрау Филицъ. Ну, молодуха, не будьте такой брюзгой! Молодость!.. надо же избытокъ ея использовать. Хоть съ жандармомъ Шульце! Уходить.

Фрау Филицъ. Это еще что значить?

Раухгауптъ. Мастеръ! Мастеръ! И я присоединяюсь! Встаешь, киваетъ Густаву, который беретъ крестъ.

Фрау Филицъ. Чего это вы вдругъ собрались?

Раухгауптъ. Мнѣ тоже надо пойти работу окончить Уходить съ Густавомъ.

Фрау Филицъ. Чего это ты съ Ланггейнрихомъ ломаешься? Дуру какую то разыгрываешь!

Леонтина. И не думаю даже. Пусть меня въ покоѣ только оставить!

Фрау Филицъ. Ну, это онъ съ удовольствіемъ! Если ты будешь только зѣвать да ломаться, то можешь больше не стараться. Въ такой онъ, повѣрь, не нуждается.

Леонтина. Да вѣдь онъ женатъ.

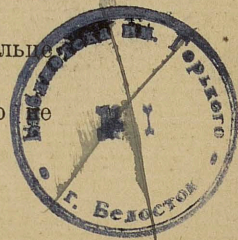
Фрау Филицъ. Ну, ладно! Оставь! Никакого въ тебѣ помятія нѣтъ!.. Слишкомъ ты глупа. И ребенокъ у тебя есть, а мужа нѣтъ! А у Адельгейдъ и ребятъ нѣтъ и мужъ есть!

Леонтина медленно уходитъ.

Фрау Филицъ. Хотъ бы она въ самомъ дѣлѣ въ толкъ взяла... Ланггейнрихъ вѣдь скоро овдовѣетъ.

Филицъ. Да и меня тоже не очень радуетъ, что Шульце влочится за дѣвкой.

Фрау Филицъ. Отрывисто. Стѣны головой все равно Красный пѣтухъ.

прошибешь. Садится и вынимает изъ выдвижного ящика стола книжечку, проглядывает ее. Ты слѣдишь, ну и ладно! Отчего не слѣдить? Мѣнять тутъ нечего. Такъ, значить, такъ! Надо обезопасить себя со всѣхъ сторонъ. Оставь только вахмистра Шульце въ покоѣ.—Ты письмо Шмаровскаго читалъ?

Филицъ. Еще бы! Вонъ онъ гдѣ у меня сидитъ! Хотъ бы половину мнѣ такихъ денегъ, какія онъ расшвырялъ. Да куда тамъ! Обо мнѣ никто не позаботился! Въ строительную школу меня никто не опредѣлил!

Фрау Филицъ. Хотѣла бы я знать, чего тебѣ дался Шмаровскій?

Филицъ. Вотъ еще! Нѣтъ, мнѣ и дѣла до него нѣтъ. А вотъ тебѣ только стоитъ ротъ открыть, какъ не утерпишь, объ закладъ на десять подошвъ побьюсь, сейчасъ же на Шмаровскаго свернешь!

Фрау Филицъ. Сдѣлалъ онъ тебѣ что-нибудь? А?

Филицъ. Нѣтъ, я и не говорю. Не знаю. Да я-бъ ему и не совѣтовалъ, мать! При одномъ его видѣ меня въ дрожь бросаетъ! Выходила бы ужъ лучше за него замужъ!

Фрау Филицъ. Будь я лѣтъ на тридцать моложе! Съ удовольствіемъ бы!

Филицъ. Переѣзжай къ дочери! Ну-ну... попробуй! Къ Адельгейдѣ-то! Они-бъ тебя прибрали къ рукамъ! Живо бы обобрали!

Фрау Филицъ. Онъ самъ человѣкъ работающій. Что ему на меня зариться? Съ вами не сговорись. Въмѣсто того, чтобы помогать другъ другу... Куда тамъ?! такъ и бросаются одинъ на другого. Шмаровскій ловкій человѣкъ. Это деньги не брошенные! За него нечего бояться.—Если бы ты не былъ глупъ, то понялъ бы, что тебѣ дѣлать!

Филицъ. Я? Какимъ же это манеромъ? Гдѣ же? Гдѣ?

Фрау Филицъ. А что мнѣ каменьщикъ сказалъ? Еще онъ пьянъ былъ... Они тогда церковь строили. Онъ тогда и сказалъ:—Ну и собака же Шмаровскій! Зналъ, почему говорить... Онъ ихъ всѣхъ за поясъ заткнетъ своими чертежами!

Филицъ. Ну и пусть чертитъ.

Фрау Филицъ. Ну и что-жъ. И будетъ сидѣть и чертитъ. А каменьщики черезъ него сыты будутъ.

Филицъ. Не я устраивалъ мѣръ.

Фрау Филицъ. Да, и не перевернешь!

Филицъ. Да и не собираюсь.

Фрау Филицъ. Да и не перевернешь, Филицъ, ни свѣтъ, ни меня. Вотъ тебѣ и весь сказъ! Сказавъ это слегка насмѣшливымъ, полу-смущеннымъ веселымъ тономъ, она взволнованно отталкиваетъ свою книжечку.

Филицъ. Я, мать, въ толкъ не возьму. У тебя просто, должно-быть, не все въ порядкѣ.

Фрау Филицъ. Ну, да. И у Грабова по твоему тоже не въ порядкѣ? Только поэтому онъ и живетъ теперь въ новомъ домѣ. Я бы очень хотѣла, чтобы у тебя было такъ не въ порядкѣ. А то съ твоимъ порядкомъ, если тебя не раскатать, такъ и прилипнешь на всю жизнь къ скамейкѣ.

Филицъ. Рѣшительно. Выбрось, мать, это изъ головы! Тебѣ же добра желая, это говорю... Нѣтъ моего благословенія на это. И знаешь почему... Я знаю, чѣмъ это пахнетъ. Впутываться мнѣ въ такое дѣло... Нѣтъ ужъ, старъ я для этого.

Фрау Филицъ. Вотъ именно потому, что ты старый хрычъ, и надо подумать. Сколько ты времени еще проработаешь? Да и сейчасъ ужъ толку мало. Ну, сколько времени ты прокоптълъ за сапогами Вергана? Больше двухъ недѣль...

Филицъ. Ну, мать, не больно завирайся.

Фрау Филицъ. Твое сапожное дѣло—кошкѣ подъ хвостъ. Я никуда ни годна, и ты никуда не годенъ. Ну, и конецъ!.. Я и себя не исключаю. И если самъ о себѣ не позаботишься, придется въ концѣ-концовъ побираться. Вотъ тогда и разводи церемоніи—сколько хочешь и какъ хочешь.

Филицъ. Чудное, право, съ тобой дѣло, мать! Чисто чертъ въ тебя вселился! Мелькнетъ сначала, Богъ знаетъ откуда. Мелькнуло и пропало. А потомъ вдругъ опять влезетъ тебѣ въ голову, и ужъ коломъ не вышибешь. И у меня иногда искуше-

нія бывали, но тутъ, мать, я тебѣ скажу — и меня порой въ дрожь бросаетъ.

ФРАУ Филицъ. Опять вынула книгу и углубилась въ нее. Ну, а самъ ты раньше что думалъ? Застраховано то у насъ въ семь тысячъ!?

Филицъ. Думалъ? Ни о чемъ я не думалъ!

ФРАУ Филицъ. А что у насъ въ домѣ? Одна земля и больше ничего.

Филицъ. Встаешь, одѣвается. Оставь меня въ покоѣ, понимаешь?

ФРАУ Филицъ. Да отчего же нельзя? Выслушай толкомъ. Я объ этомъ серьезно думала и раньше, еще задолго до свадьбы. И Шмаровскій мнѣ десять разъ говорилъ:—Мѣста здѣсь хватитъ и для большого дома. И у кого разумъ есть—тотъ пойметъ, что иначе и поступить нельзя. Ну, посмотри: напротивъ аптека, чуточку полѣвѣе почта. Тамъ булочная: хорошую себѣ онъ лавку устроилъ. Еще четыре новыхъ виллы выстроили... И если только проведутъ электрическую конку, мы какъ разъ въ самомъ центрѣ будемъ.

Филицъ. Уходя. Прощай!

ФРАУ Филицъ. Ты собираешься еще сегодня куда-нибудь?

Филицъ. Да. Все это мнѣ больше невтерпѣжъ. — Есл бы я зналъ, какой ты человѣкъ... Мало я зналъ тебя... не то я бы еще подумалъ. Еще пять разъ подумалъ бы!!

ФРАУ Филицъ. Ты? Что такое? О чемъ бы ты думалъ?

Филицъ. Впутываться ли мнѣ...

ФРАУ Филицъ. Что? О чемъ бы ты подумалъ? Ты и всю-то свою жизнь ни разу не думалъ. Такая простофиля, какъ ты... и туда же думать! Могу себѣ представить, что бы ты надумалъ!

Филицъ. Я тебѣ, мать, только напоминаю...

ФРАУ Филицъ. Впутываться? А кто тебя впутываетъ? Старая развалина сгорить... такъ или иначе, все равно сгорить.

А то еще раньше задавить насъ. Застрыла между новыми домами. И взглянуть-то совѣстно!

Филицъ. Я тебѣ, мать, только напоминаю...

ФРАУ Филицъ. Выйди только за дверь! Я свои вещи живо уложу. А тамъ хоть къ старшинѣ иди, сдѣлай одолженіе. Я, дескать, тебя впутала.

Филицъ. Я тебѣ, мать, только напоминаю... Смотри, не подпали себѣ морды. Потому что, если я...

ФРАУ Филицъ. Съ такимъ видомъ, какъ-будто собирается его вытолкать. Убирайся! Пошелъ вонъ! Подальше отъ грѣха. Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Что тебѣ еще надо?

Филицъ. Въ себя. Мать, накомыляю я тебѣ шею. Меня выгонять? Что? Изъ мастерской? Это твоя мастерская? А? Я тебя такъ проучу... Смотри ты у меня!

ФРАУ Филицъ. Я жду, попробуй. Ну, что-жъ! Иди, иди! Ишь ты! Похоже это на тебя! Наберись храбрости раньше.

Филицъ. Съ безсильнымъ бѣшенствомъ швыряетъ сапогъ въ стѣну. Я всю мастерскую разнесу. Ну, и чортъ съ ней. Пусть все къ чорту идетъ. Совсѣмъ я что-ли съ ума сошелъ? Связался съ чортовой вѣдьмой! Уживись тутъ съ ней! Перваго въ могилу вогнала, а теперь я, дуракъ, свою голову подставилъ. Ну, погоди! Это еще не такъ легко. Прежде чѣмъ я позволю тебѣ сѣсть себѣ на шею и запутать меня въ эту исторію, ты у меня сама къ чорту полетишь. Нѣтъ! Я не таковъ! Замѣть себѣ это.

ФРАУ Филицъ. Да ужъ ты лучше и не старайся, Филицъ...

Филицъ. Нѣтъ! Я не таковъ! Я не таковъ! И не надѣйся. Меня не сломишь. Такъ и заруби себѣ. Въ изнеможеніи садится.

ФРАУ Филицъ. Можетъ, хочешь еще сапогъ? А? Что же, старыхъ сапоговъ здѣсь много.—Ты, конечно, на мнѣ по любви женился?

Филицъ. Ну, ужъ это одинъ Богъ знаетъ, зачѣмъ меня дернуло.

ФРАУ Филицъ. Припомника! Можетъ и вспомнишь. Можетъ, изъ жалости? А? Или неправда? Или просто потому,

что долженъ былъ? Къ этому и сведется все. По мнѣ хоть сто лѣтъ живи. Старая исторія: вы никогда не знаете, кто вамъ добра желаетъ. И съ Юліаномъ было не лучше! А если-бъ я слушалась его, то сегодня ужъ навѣрно у меня не было бы ни гроша. Не стойте вы такихъ заботъ!

Филицъ. Значить, по твоему, я долженъ итти, поджигать и себя губить?

Фрау Филицъ. Что надо строиться, ты это зналъ. Я тебѣ только-что сказала: на постройку нужны деньги... Съ этимъ ничего не подѣлаешь... Нашихъ грошей на это не хватитъ. А вотъ если бы мы выстроили здѣсь настоящій домъ... Имаровскій бы намъ ужъ раздѣлалъ! Еще бы! Гдѣ бы другимъ за нами угнаться! У тебя бы была приличная лавка. Затратить бы еще нѣсколько сотенъ талеровъ, да и продать бы всю башмачную! А захотѣлось бы тебѣ починку принимать, взять бы подмастерье. Если бы и самому когда пришло въ голову за плату посадить,—сдѣлай одолженъе, времени бы хватило.

Филицъ. Не знаю. Ничего не пойму. Я такъ разсуждаю,—немного денегъ и сейчасъ у меня есть. Думаль, и еще какъ нибудь получу! Пристроить лавку пустое дѣло. Я ужъ себѣ все такъ ясно представлялъ. И полки... и все прочее. И часы бы съ маятникомъ повѣсили... — А ты сидишь на своемъ мѣшкѣ съ деньгами, какъ Церберъ!

Фрау Филицъ. Швыряться деньгами тоже не годится! Мнѣ они тоже солоно достались.

Филицъ. За мной и старые грѣхи есть! Въ тюрьму что-ли опять садиться?!

Фрау Филицъ. Ну, Филицъ, утро вечера мудренѣй! Да ты не очень принимай въ серьезъ-то!.. Я это больше такъ для шутки говорила.—Ну, иди къ Грабову. Выпей стаканчикъ пива.—Надо быть всѣмъ довольнымъ... Не откроешь лавки, ну еще покорпишь. Не купишь часовъ съ маятникомъ — зато совѣсть чиста будетъ...

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ

Кузница мастера ЛАНГГЕЙНРИХА. Маленькій домишка бокомъ выдается на деревенскую улицу. Верхняя часть на деревянныхъ подпоркахъ представляетъ изъ себя клѣтчатую постройку. Нижняя часть безъ стѣнъ и есть собственно кузница. Здѣсь находятся прислѣненные колеса, плугъ, обручи, куски чугуна и т. д. Тутъ же стоитъ наковальня и различные кузнечные инструменты. Изъ-за дома выступаетъ нѣсколько вкось деревянный остовъ телѣжки. Лѣвое переднее колесо снято, и ось подперта воротомъ. Черезъ дверь въ мастерскую видѣются горы и мѣхи.

Противъ кузницы, на лѣвой сторонѣ улицы, теряющейся дальше въ поворотѣ,—досчатый заборъ. Маленькая запертая калитка выходитъ на улицу.

Облачный день. Вѣтеръ.

Докторъ БОКСЕРЪ въ широкополой шляпѣ и лѣтнемъ пальто ударяетъ молотомъ. ЭДЕ держитъ въ лѣвой рукѣ подкову, въ правой небольшой молотокъ и смотритъ.

ЭДЕ. Считаетъ. Двадцать два... двадцать три... двадцать четыре и одинъ—двадцать пять, и одинъ—двадцать шесть... Господи Боже мой! Ужъ на одну дырочку дальше, чѣмъ я! И двадцать семь... и двадцать восемь... двадцать девять... тридцать. Вотъ это здорово, докторъ! Неужели это отъ морского воздуха?

Д-ръ Боксеръ. Можетъ быть. Какъ видите, Эдуардъ, я еще не совсѣмъ разучился.

ЭДЕ. А, чортъ возьми! Это мою гордость задѣло. Попробуемъ-ка съ вѣсами. Я вытягиваю, докторъ, полтора центнера. А вы вытянете полтора центнера?

Д-ръ Боксеръ. Не знаю. Попробуемъ.

Эде. Что? Вы собираетесь вытянуть полтора центнера? Ну, тогда значить вы Геркулесь. На кораблях въ этомъ не упражняются?! Вамъ тамъ, чай, лѣзть приходилось, а не цѣпирвать.—Взгляните-ка вонъ на человѣчка, который входитъ въ домъ къ Филицу. Это зять тетушки Филицъ!

Д-ръ Боксеръ. улыбаясь. Видъ у него—совсѣмъ какъ у консисторскаго совѣтника.

Эде. Это правда! Шмаровскій и то консисторскій совѣтникъ. Проманется! Старуха уѣхала съ своимъ елейнымъ сапожникомъ. Насчетъ денежекъ-то, значить, ему и не поддуетъ. Онъ, знаете, только и прѣзжаетъ за деньгами. По другимъ дѣламъ и не ѣздитъ.

Д-ръ Боксеръ. Филицы поѣхали сегодня въ Берлинъ. Я ихъ встрѣтилъ на вокзалѣ. А сапожникъ, кажется, немножко того... не въ себѣ?

Эде. Что вы! Полиціи это не извѣстно! Малый доношенный! На счетъ того, чтобы онъ сумасшедшимъ былъ, — не слыхалъ.

Д-ръ Боксеръ. Болталъ какіе-то пустяки и все старался въ глаза не глядѣть. Весь онъ... ну, точь въ точь, ходячая нечистая совѣсть. Впрочемъ, совѣсти у него совсѣмъ нѣтъ.

Эде. Ну, еще бы! Вѣдь, когда вы попались, при обыскѣ у васъ въ домѣ и сапожникъ былъ. Онъ всю кашу и заварилъ!

Фрау Шулце смотритъ изъ окна верхней пристройки.

Фрау Шулце. Эде!

Эде. Что тамъ?

Фрау Шулце. Мастера Ланггейнриха еще нѣтъ?

Эде. Понятно нѣтъ. Фрау Шулце отходить отъ окна. Эде подходит подъ навѣсъ. Ну, живо! Берите-ка, докторъ, молотокъ, да помогите мнѣ немного. Если въ васъ осталось еще столько силы, вы, поди, не разучились.

Д-ръ Боксеръ. Я, чортъ возьми, слесарствомъ занимался, когда на кораблѣ нечего было дѣлать. А случай былъ пресходный.

Эде. Докторъ, слесарь и еще, поди, что-нибудь? Ну, колбасникомъ-то ужъ, навѣрно, не были?

Д-ръ Боксеръ. Пришлось разъ и колбасы дѣлать.

Эде. Только, навѣрно, ихъ ѣсть было нельзя?

Д-ръ Боксеръ. Да я, Эдуардъ, и врагу бы не посовѣтовалъ, потому что въ нихъ, главнымъ образомъ, мышьякъ былъ. Спасенія не было отъ крысъ!

Эде. Собираясь ковать. Бррр... Упаси Боже отъ вашей салями! Ну, докторъ! За работу! Пусть хозяйка думаетъ, что двое работаютъ. А то разспросамъ конца не будетъ.

Д-ръ Боксеръ. Куда же хозяинъ такъ рано ушелъ?

Эде. А это большой секретъ. Только о немъ воробьи на крышахъ и тѣ чирикаютъ. Ну-ка, докторъ, давайте сюда колесо. А вамъ, кстати, и выслужиться передъ прусскимъ правительствомъ удобный случай. Телѣжка-то областного лѣсничаго.—Это вѣдь вамъ повредить не можетъ?

Д-ръ Боксеръ. Нѣтъ, вообще, мнѣ необходимо къ нимъ поддѣлаться. Катить медленно колесо, оно откатывается назадъ.

Эде. Ну, это вамъ будетъ не очень легко. Они, чортъ возьми, не очень-то забывчивы. Подхватываетъ колесо. Нѣтъ, шалишь, назадъ не пойдешь. Весь міръ, докторъ, впередъ долженъ идти! Поэтому я и держу всегда оппозицію.

Д-ръ Боксеръ. Только пальцы беречь надо! Надѣваетъ кожаный фартукъ. И долго хозяинъ еще не придетъ?

Эде. Свиститъ. Ну, это—смотря по той трудности.

Д-ръ Боксеръ. Чего вы такъ многозначительно свистите?

Эде. Одиннадцать моихъ братьевъ и сестеръ, всѣ, изволили ли видѣть, музыкальны, только я одинъ кузнецъ вышелъ. Нѣкоторое время оба работаютъ, стоя по сторонамъ колеса. Затѣмъ Эде продолжаетъ. А, право, недурная комедія бы вышла! Вотъ бы написали! Деньги бы заработали! Ну, ужъ и люди! Васъ долго здѣсь не было, поэтому вы и не знаете всего. Я бы вамъ поразказалъ, докторъ, что тутъ средь бѣла дня творится.—Знаете вы гулящую Леонтину?

Д-ръ Боксеръ. Къ великому сожалѣнію, нѣтъ.

Эде. Что? Вы считаете себя здѣшнимъ и не знаете гулящей дѣвки? Да вы, просто, съ ума сошли!

Д-ръ Боксеръ. Ахъ, Леонтина! Это дочь Вольфовъ? За нее меня разъ здорово побили!

Эде. Вотъ, если бы вы были здѣсь часа два тому назадъ! Дѣвчонка бы, какъ разъ мимо васъ, проскользнула. Сначала уѣхали отецъ съ матерью... часовъ въ семь, только разсвѣтать начало. А потомъ, часовъ въ восемь, Леонтина... оглядѣлась, заперла домъ, и ну шмыгать взадъ и впередъ. Все поджидала, высматривала и, наконецъ, мимо насъ прошла. А хозяинъ ужъ сейчасъ: Куда, сокровище, собралась?—А черезъ минуту жандармъ Шульце* явился, и зашагалъ за гулящей.—Тогда опять хозяину чередъ пришелъ... фартукъ долой и гайда за ними! Да какъ ланъ пустился! Вотъ какъ было дѣло. И все это вы могли бы наблюдать, а остального смотрѣть не полагается. А, вонъ хозяинъ! И ужъ шатается. Сейчасъ же начнетъ съ жаромъ работать, дѣлая видъ, какъ будто онъ только теперь замѣтилъ вѣседло и поспѣшно идущаго мастера Ланггейнриха. Наконецъ-то! Хорошо сдѣлали, хозяинъ, что пришли!.. Ну, что-жъ, хозяинъ, успѣли?

Ланггейнрихъ. Коротко отклоняя разговоръ. Куда еще тамъ?

Эде. Ну, на omnibusъ.

Ланггейнрихъ. Ну ты, пустомеля! Я по дѣламъ ходилъ,—на талеръ бьюсь, если это не докторъ Боксеръ! Какъ живется-можется? Что подѣлываете? Опять въ тихую пристань? Однако, вы долго пропадали. Года три слишкомъ? Да... вонъ какъ время-то летитъ!

Д-ръ Боксеръ. Да, вотъ здѣсь поселяюсь, Ланггейнрихъ, т. е. имѣю намѣреніе, если удастся. Хочу попробовать счастья дома.

Ланггейнрихъ. Да, дома то лучше всего! Понятно! Правда, г. докторъ, у насъ есть тутъ докторъ, да только никуда не годится. Должно быть, ему когда-нибудь пощечинъ надавали или что-нибудь въ этомъ родѣ: ужъ очень онъ мра-

ченъ. Только пациентамъ отъ этого толку мало. Отъ этого еще не одинъ больной не выздоравливалъ. Если что случится докторъ, я ужъ за вами пошлю.

Д-ръ Боксеръ. Первые двѣнадцать зубовъ вырву даромъ! Благодарите Бога, коли не будетъ во мнѣ надобности Ланггейнрихъ. Собственно... Тото и есть... Жена у меня больна.

Изъ дому торопливо выходитъ фрау Шульце.

Фрау Шульце. Хорошо, что вы пришли, хозяинъ. Слышите? Такой стонъ стоитъ!

Ланггейнрихъ. Позвольте васъ спросить, докторъ, не знаете ли вы какого-нибудь средства отъ ревности? Тутъ, видите ли, ребенокъ у меня родился. Я радъ даже... Чего мнѣ лгать? Съ какой стати? Я поступлю честно... Жена у меня больна. Она теперь и встать не можетъ, и я не смѣю отъ постели ни на шагъ отходить! Кричитъ, бранится, упрекаетъ... Ей-Богу, иногда просто не знаю, куда дѣться.

Фрау Шульце. Ахъ, хозяинъ, да подите вы скорѣй къ ней!

Эде. Да дайте вы хозяину хоть духъ перевести.

Ланггейнрихъ. Что тамъ? Ну, вотъ еще! Я живо все устрою. Снявъ шляпу и пиджакъ и надѣвъ на ноги деревянные туфли, быстро уходитъ въ домъ.

Эде. Ну, что вы скажете?

Д-ръ Боксеръ. Развеселый человѣкъ—мастеръ! Даже куда веселѣе сталъ, чѣмъ прежде. Приятно увидеть снова человѣка такимъ.

Эде. А какъ только я спросилъ о Леонтинѣ, такъ его, какъ говорится, чисто обухомъ ударило.

Фрау Шульце. Обращаясь къ Эде, желая поймать. Гдѣ это хозяинъ такъ рано былъ?

Эде. Въ Лихтенбергѣ, тетушка Шульце, чорта съ лягушкой вѣнчалъ.

Фрау Шульце. Хозяйку совсѣмъ не такъ лѣзчатъ, г-нъ.

докторъ! Я, конечно, не мѣшаюсь... Ужъ я скажу вамъ, ее такъ лѣчать... ну, совсѣмъ неправильное лѣченіе! Я это и Маюнку сказала, что хозяйка помираетъ.

Д-ръ Боксеръ. Докторъ Маюнке свѣдущій человѣкъ. Я знаю его за отличнаго врача.

Фрау Шульце. Спыхватываясь. Ну, еще бы! Конечно, онъ свѣдущій человѣкъ! Конечно! Это правда, что онъ свѣдущій. Только онъ не хочетъ ничего прописывать.

Д-ръ Боксеръ. Ну, что же такое? Деньги цѣлѣе будутъ!

Фрау Шульце. А если этого не хотятъ? Должна же быть медицина! Долженъ намъ докторъ помогать!

Д-ръ Боксеръ. Хозяйка съ давнихъ поръ нездорова. Еще съ тѣхъ поръ, какъ она шила у насъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ...

Фрау Шульце. Да, да, немножко горбата. Правда.—Вотъ оно! Вотъ она женская участь, г-нъ докторъ. Какой портнихой была! И деньжонокъ себѣ немного сколотила! Ну, и что жъ она теперь приобрѣла? Красиваго мужа, да болѣзнь, да заботы! Ни днемъ, ни ночью покоя нѣтъ.

Ланггейнрихъ. Возвращается. Сильно хлопаетъ по плечу фрау Шульце. Пожалуйте, тетушка Шульце! Идите наверхъ! Все въ порядкѣ! Конечно! Завтра я ее въ клинику устрою!

Фрау Шульце. Ну, это не такъ то легко!

Ланггейнрихъ. Прикладываетъ ко рту большую кружку. Я тутъ перемѣнить ничего не могу! Ничего не подѣлаешь! дѣлаетъ невѣроятно длинный глотокъ изъ кружки. Ставя на землю кружку. Отгони-ка, Эде утокъ.

Э д е. Спугиваетъ утокъ, шумитъ фартукомъ и хлопаетъ туфлями. Кш!.. кш!.. кш!.. Пшли! Фрау Шульце, покачивая головой, уходитъ въ домъ.

Ланггейнрихъ. И какъ ловко жрутъ огонь! Стоитъ только раскаленному кусочку упасть... разъ, два, три,—и проглотила! И, пожалуйста! Непрошенное жаркое изъ утокъ! А старухъ моей это не на руку. Раухгауптъ смотреть изъ-за забора слѣва. За Ландсбергъ опять былъ большой пожаръ. Все мѣстечко до тла выгорѣло.

Раухгауптъ. Не видалъ Густава?

Ланггейнрихъ. А, здравствуй, старый хрѣнь! Нѣтъ, не видалъ. А развѣ онъ опять сбѣжалъ?

Раухгауптъ. Я велѣлъ ему къ Филицамъ пойти!

Ланггейнрихъ. Да Филицы въ Берлинъ уѣхали!

Раухгауптъ. Не пойму я что-то... вездѣ гарью пахнетъ! Ай! На лицѣ его изображается гримаса отъ боли и онъ хватается за колѣнку. А Леонтины развѣ нѣтъ?

Ланггейнрихъ. Сегодня она въ правленіи у старшины! Вѣчно задерживаютъ эти пособія! Эта проклятая собака не платить!

Раухгауптъ. Зоветь. Густавъ! Прислушивается и потомъ идетъ невѣрными шагами опять къ калиткѣ, вѣтеръ подгоняетъ его и треплетъ одежду Густавъ!

Ланггейнрихъ. Да, вѣтеръ здоровый! Раухгауптъ исчезаетъ. Эде!

Э д е. Здѣсь, хозяинъ!

Ланггейнрихъ. Ну, живо за работу! Плюетъ себѣ въ руки и начинаетъ оживленно работать. Гдѣ, докторъ, поѣздили? Были и у китайцевъ? Ужъ вы расскажите какъ-нибудь поподробнѣе... на досугъ.

Д-ръ Боксеръ. Да, вездѣ побывалъ!

Ланггейнрихъ. Ну, а чудовище морское видѣли?

Д-ръ Боксеръ. Какъ же, Ланггейнрихъ, въ Тихомъ Океанѣ видѣлъ.

Ланггейнрихъ. А правда, что она соленые огурцы жретъ?

Д-ръ Боксеръ. Да какъ еще! Каждый день по нѣсколько сотенъ тысячъ!

Ланггейнрихъ. Захотѣвъ. Здорово! Если вы ее увидите еще разъ, докторъ, отъ меня пониже поклонитесь.

Д-ръ Боксеръ. Едва ли мнѣ придется еще разъ побывать тамъ!

Ланггейнрихъ. Али ужъ досыта поѣздили? Ну, теперь,

значить, мы съ вами, докторъ, оба здѣсь. Только я и съ мѣста не трогался!.. Мать то старуха, я думаю, рада. Ей хорошо живется, и дѣла идутъ хорошо. А я все-таки все время тосковалъ, все вправо нѣтъ-нѣтъ, а погляжу.

Д-ръ Боксеръ. Очень любезно съ вашей стороны, Ланггейнрихъ.

Ланггейнрихъ. Что вы! Я не для этого говорю. Да, чтобы не забыть, докторъ! Я еще въ долгу у вашей матери: еще когда жена шитьемъ занималась: тафта тамъ, шелкъ, иголки, нитки, матерія. Да, я скоро выплачу.

Д-ръ Боксеръ. Махнувъ рукой. Ну, ладно, устроится какъ-нибудь!

Ланггейнрихъ. Эде!

Э д е. Здѣсь, хозяинъ.

Ланггейнрихъ. Торопись, торопись! Беретъ одинъ изъ тяжелыхъ молотовъ. Изъ кожи вонъ вылезу, а ужъ сегодня заработаю. Эде приноситъ щипцами раскаленный кусокъ желѣза и кладетъ его на наковальню. Ну, докторъ, начинайте! Ну-ка! Посильнѣй да поумнѣй! Онъ и д-ръ Боксеръ куютъ въ тактъ желѣзо. Только, смотрите, съ одинаковой силой, докторъ! Какъ по маслу идетъ, докторъ! Они перестаютъ. Эде уноситъ желѣзо въ кузницу и кладетъ въ огонь. Ланггейнрихъ опять прикладывается къ кружкѣ. Ничего не вышло! Пьетъ.

Э д е. Да, отъ этого пить хочется!

Ланггейнрихъ. Ставить кружку. А хорошо было, смѣю васъ увѣрить, докторъ!

Д-ръ Боксеръ. Что же собственно хорошаго, мастеръ Ланггейнрихъ?

Ланггейнрихъ. Ахъ, Господи! Почему я знаю! Я самъ не знаю, а только, какъ встрѣтилъ я вахмистра Шульце, я, чортъ знаетъ, какъ обрадовался!

Э д е. Теперь бы стаканчикъ пива отъ Грабова! Какъ разъ бы кстати!

Ланггейнрихъ. Бѣги! Притащи-ка три кружки! Докторъ Боксеръ заплатитъ. Эде вытираетъ руки о фартукъ и уходитъ. Такъ зна-

чить вы здѣсь поселяетесь! Что-жъ, мысль недурная! Только, вѣдь, здѣсь на части разорвутъ! И послушайтесь моего совѣта, докторъ, не ходите вы бесплатно по больнымъ.

Д-ръ Боксеръ. А такъ оставятъ меня въ покоѣ?

Ланггейнрихъ. А, старая исторія!.. Это давность потеряло! Да теперь вамъ такъ близко сходитьсѣ съ народомъ, какъ тогда, и не придется.

Д-ръ Боксеръ. Во всякомъ случаѣ, я попробую!.. Къ политикѣ я охладѣлъ. И если меня все-таки будутъ прижимать!.. Ну, тогда я просто опять уѣду. Отправляюсь опять къ морю, а то вызовусь...

Ланггейнрихъ. Воды то боитесь?

Д-ръ Боксеръ. Продолжая. Вызовусь ѣхать въ Бразилію вмѣстѣ съ русскими евреями.

Ланггейнрихъ. Ну, а это что дастъ?

Д-ръ Боксеръ. Можетъ быть, желтую лихорадку,

Ланггейнрихъ. Ну, что вы еще, докторъ! Я бы этого не сдѣлалъ.

Д-ръ Боксеръ. Вѣрю.

Ланггейнрихъ. За другихъ своей шкурой платить! Вотъ еще! Избави Богъ! Этого Ланггейнрихъ не сдѣлаетъ! Съ какой стати! Мнѣ же никто ничего не даетъ. Я самъ убѣдился, что люди, пожалуй, братья, да только въ ссорѣ.

Д-ръ Боксеръ. Язычникъ вы, а не христіанинъ,

Ланггейнрихъ. Этимъ путемъ и вы у насъ не Богъ вѣсть какъ далеко уйдете. Я такой же христіанинъ, какъ и всѣ. А посѣтителі новоя церкви... они теперь тутъ церковь выстроили. — Избави Богъ отъ такихъ христіанъ!

Д-ръ Боксеръ. Улыбаясь. Ну, ну, мастеръ Ланггейнрихъ, вы это такъ только говорите. Не слѣдуетъ быть фарисеемъ. А гдѣ же христіанское милосердіе, другъ мой?

Ланггейнрихъ. Нѣтъ, съ этимъ я согласиться не могу! Я тоже грѣшенъ. Конечно! Но что за человѣкъ, напримѣръ, здѣсь Дальговъ! Передъ нимъ самъ чортъ милосердъ! Что онъ

съ собственнымъ сыномъ сдѣлалъ! Выгналъ зимой, ночью. А потомъ связалъ и исколотилъ всего. А потомъ мальчишку къ мяснику опредѣлили, а тамъ еще барановъ пасти заставилъ. Стерва! Старый хрычъ! И до тѣхъ поръ настаивалъ на своемъ, до тѣхъ поръ мучилъ несчастнаго мальчишку, пока тотъ въ озеро не бросился. Только тряхнулъ головой и пошелъ ко дну... и готово...

Д-ръ Боксеръ. Что вы имѣете противъ Дальгова, Ланггейнрихъ? Онъ свое дѣло отлично знаетъ.

Ланггейнрихъ. Да, соблазнять дѣвушекъ и тому подобное. А потомъ по мордѣ колотить—и убирайся „подлая“! Всѣ вдругъ подлыми сдѣлались! До чего собака дошелъ!—Съ Верганомъ другъ и пріятель, хрюкаетъ, какъ свинья, на собраніяхъ Нравственности нынче не стало... вмѣсто нея законы пошли.. тутъ такъ... тамъ эдакъ. А въ церковь заглянете—тамъ сидитъ всякая сволочь, да глаза къ небу закатываютъ... Издали слышенъ колокольный звонъ. Слышите? Орденскія-то ленточки поютъ! — Я всегда это называю орденскими ленточками. Такъ и говорю: поютъ, молю, орденскія ленточки. Это, когда колокола-то звонятъ.— Ну, развѣ я не правъ, говоря, что поютъ орденскія ленточки? Съ тѣхъ поръ, какъ Верганъ получилъ орденъ въ петличку, съ тѣхъ самыхъ поръ и зазвонили колокола. А если бы колокола не зазвонили, онъ бы и ордена никакого не получилъ.

Эдѣ. Входить съ тремя кружками пива, зубоскала, Хозяинъ! Хозяинъ! Орденская ленточка поетъ!

Ланггейнрихъ. Ну вонъ видите, и ужъ онъ по другому не называетъ. Каждый беретъ по кружкѣ, они чокаются. Ваше здоровье! Съ возвращеніемъ! Пьютъ и ставятъ на полъ. Сегодняшнее утро совсѣмъ какъ вечеръ! Недурно бы днемъ ночь увидать!

Д-ръ Боксеръ. Ну, а теперь я не прочь немного и позлословить! Противъ постройки церквей, я ничего не имѣю!

Ланггейнрихъ. И я тоже! По крайней мѣрѣ, людямъ работу даютъ! Хотя на этотъ разъ я собственно остался ни

при чемъ. А мишура вся эта—пасторъ Фридрици, колокольный звонъ, расписныя стекла, алтарныя покровы.. Тутъ ужъ ничего не подѣлаешь! Нельзя же совсѣмъ безъ хлама!

Д-ръ Боксеръ. Люди тоже хотятъ свое удовольствіе получить. А потомъ я объясняю себѣ такъ, мастеръ Ланггейнрихъ: надо стоять всегда за высшій принципъ.

Ланггейнрихъ. Да это и выгоду приносить, можете мнѣ повѣрить. Съ тѣхъ поръ у насъ земли подорожали.

Эдѣ. Жиль тутъ разъ, хозяинъ, одинъ безпріютный совсѣмъ.. Ну, да что съ этого начинать!—Былъ я какъ-то въ глуши, въ лѣсу. И представьте себѣ, докторъ, что я тамъ услышалъ? Вдругъ слышу страшный шумъ, подхожу ближе. Вороны! Да! А наверху на соснѣ виситъ человѣкъ.—Портной подмастерье изъ Беркенбрюка. Съ голоду повѣсился.—Правда! Надо всегда стоять за высшій принципъ.

Въ то время, какъ они пьютъ, раздается въ отдаленіи протяжный крикъ боли. Вѣтеръ усилился.

Д-ръ Боксеръ. Испуганно. Что такое?

Эдѣ. Раухгауптъ! Только и всего!

Ланггейнрихъ. Да, да, докторъ, страшно онъ кричитъ. Хорошаго тоже мало! А когда у него начинаются эти боли въ ногахъ, и онъ ночью оретъ за заборомъ, такъ поневолѣ убѣжишь. Ну, нѣтъ, если-бъ мнѣ пришлось такія страданія терпѣть, я предпочелъ бы себѣ пулю въ лобъ пустить.

Эдѣ. Вотъ, Господи, вѣтеръ! Смотрите, докторъ, чтобъ ваша покрывка не улетѣла! Черезъ улицу пролетаетъ сорванная вѣтромъ шляпа за ней бѣжитъ Шмаровскій безъ шляпы со сверткомъ бумагъ въ рукахъ. Ха-ха-ха Скорѣй! Ну-ка, Августъ, покажи, что у тебя ноги есть.

Д-ръ Боксеръ. Ну, кто скорѣе?

Шмаровскій. Поймавъ шляпу, озлобленно обращается къ д-ру Боксеру. Что это вы только что такъ мѣтко замѣтили?

Д-ръ Боксеръ. Что вы превосходно бѣгаете.

Шмаровскій. Шмаровскій.

Боксеръ. Боксеръ.

Шмаровскій. Очень пріятно! Позвольте задать вамъ одинъ вопросъ. Знаете вы, что такое кобель?

Д-ръ Боксеръ. Нѣтъ.

Шмаровскій. Нѣтъ? Я тоже не знаю! Но что такое непристойность, вы, конечно, знаете?

Ланггейнрихъ. Да что тутъ у васъ за шумъ? Что такое? Э, господа, развеселитесь! Здравствуйте, г. Шмаровскій! Какъ поживаете? Тещу навѣстить пріѣхали?

Шмаровскій. Нѣтъ, у меня тутъ дѣла!—Но, чтобы не забыть, прошу васъ быть поосторожнѣй.

Д-ръ Боксеръ. Что это за любопытный господинъ, мастеръ Ланггейнрихъ?

Эде. Это зять тетушки Вольфъ!

Шмаровскій. Съ вами я разговаривать не намѣренъ!

Эде. Тѣмъ пріятнѣй!

Шмаровскій. Съ вами не намѣренъ! Опять обращаясь къ д-ру Боксеру. Но если вы не знаете, кто я, то я могу сослаться на отзывы обо мнѣ барона фонъ-Верганъ, его преподобія генераль-суперъ-интендента, княгини Бильшевской и графини Штрахъ!

Д-ръ Боксеръ. Что же мнѣ обходить всѣхъ этихъ господъ?

Шмаровскій. Обойдите! Совѣтую! Обойдите! По крайней мѣрѣ, впередъ будете осторожнѣй!—Поглядите на свою компанію!

Ланггейнрихъ. Печень у васъ что ли разыгралась? Съ чего это вы сегодня такъ сердиты?

Шмаровскій. Д-ру Боксеру, который смотрѣлъ съ простой веселой улыбкой то на Ланггейнриха, то на Эде. Прошу васъ не забывать! Я вамъ не товарищъ! Мы не позволимъ съ собой шутить! А національность, къ которой вы принадлежите...

Ланггейнрихъ. Замолчите, г. Шмаровскій! Довольно! Этого не затрагивать! Довольно, г. Шмаровскій! Проходите дальше!

Шмаровскій. А вы знаете, куда я отсюда прямо пойду?

Ланггейнрихъ. А, хоть къ самому Богу! Идите, куда угодно, Шмаровскій! Только не отрывайте меня отъ работы.— Намъ терять времени некогда. Эде, бери-ка дышло!

Шмаровскій въ бѣшенствѣ уходитъ.

Эде. До свиданія!

Д-ръ Боксеръ. Это и былъ г. Шмаровскій? Свѣтильникъ церкви, какая-то маленькая, ядовитая жаба!

Ланггейнрихъ. Да, правда, онъ ядовитъ. А вы его не знали, д-ръ Боксеръ? Поздравляю васъ, наконецъ-то, увидели! Маленькая, продувная, вѣчно брешущая, собаченка! Посмотрѣли бы вы, докторъ, его среди благочестиваго общества. Смиреникъ! Мать родная, и та бы не узнала: „Проживу еще самое большее двѣ недѣли, а затѣмъ прямо къ Спасителю моему въ Царство Небесное“. Ханжа! А самъ и не думаетъ даже! Ему это и во снѣ не снилось. Ходитъ да вынюхиваетъ, не лежитъ ли что плохо, нельзя ли гдѣ нибудь урвать.

Эде. Ну-ка, хозяинъ, взгляните ка! Вся работа съ новымъ шкворнемъ пропала.

Ланггейнрихъ. Да уже знаю! И къ чему только держу эту морду! Все равно никогда въ жизни не научится.

Д-ръ Боксеръ. И много у васъ теперь такой работы?

Ланггейнрихъ. Осенью на всѣхъ хватаетъ!

РАУХГАУПТЪ. Вышелъ изъ калитки, борется съ вѣтромъ, держитъ руку передъ глазами. О, Господи! Опять сегодня припадокъ во всю! Когда же это Филицы вернутся?

Ланггейнрихъ. Вѣроятно, еще не скоро! Они хотѣли часы покупать. Чего это ты сегодня такъ встревоженъ?

РАУХГАУПТЪ. Что? Филицы часы покупаютъ? Онъ до этого и дожить не думалъ. Зоветъ. Густавъ!

Ланггейнрихъ. Все еще не вернулся? Навѣрно звономъ наслаждается. Онъ вѣчно сидитъ и слушаетъ эти колокола.

РАУХГАУПТЪ. Все сегодня какъ-то перепуталось! Тетка Филицъ просила его къ нимъ придти. Не понимаю... то... то вдругъ уѣзжаютъ въ городъ... Качаетъ головой и уходитъ.

Эде. Они тутъ съ четырехъ часовъ все сновали вокругъ. То взадъ, то впередъ, съ потайнымъ фонаремъ. Сегодня и не спали совсѣмъ.

Ланггейнрихъ. Филицъ часы покупаетъ! Поэтому не ѣсть, не спать и не пьеть.

Раухгауптъ. За заборомъ. Густавъ!

Д-ръ Боксеръ. Да вонъ этотъ дуракъ бѣжитъ!

Ланггейнрихъ. Да и то правда! Раухгауптъ! Густавъ здѣсь! Густавъ входитъ возбужденный, танцуетъ, и показываетъ, съ жаромъ жестикулируя, въ ту сторону, откуда онъ пришелъ.

Эде. Должно быть это военный танецъ. Вотъ ужъ видъ настоящаго людоеда! А я увѣренъ, мерзавецъ, не отказался бы отъ человѣческаго мяса!

Ланггейнрихъ. Пшолъ къ отцу!

Эде. Понимаешь?

Ланггейнрихъ. Пшолъ отсюда!

Густавъ, жестикулируя, подноситъ сложенную руку ко рту и трубить какъ въ трубу. Смѣхъ.

Эде. Гдѣ еще пожаръ, дурова голова?

Ланггейнрихъ. Поймай-ка его, Эде!

Эде. Сейчасъ! Подкрадывается къ Густаву, но тотъ замѣчаетъ, трубя, отступаетъ назадъ и убѣгаетъ, продолжая трубить, при чемъ роняетъ спичечную коробку. Эге!

Ланггейнрихъ. Что тамъ еще?

Эде. Пригодится!

Ланггейнрихъ. Да что?

Эде. Спички... Цѣлая коробка!

Фрау Шульце. Стремительно сбѣгаетъ съ лѣстницы. Хозяинъ!

Ланггейнрихъ. Что тамъ еще?

Фрау Шульце. Хозяинъ!

Ланггейнрихъ. Да вотъ же я!

Фрау Шульце. Тамъ... тамъ... у... у... у...

Ланггейнрихъ. У жены?!

Фрау Шульце. Нѣтъ, у Филицевъ...

Ланггейнрихъ. Гдѣ?

Фрау Шульце. У Филицевъ!

Ланггейнрихъ. Что такое? Не у жены? Ахъ, Господи! Тетка Шульце! Трясетъ ее. Да переведи ты духъ! Ну, коли случилось, такъ случилось! Я ко всему приготовился!

Фрау Шульце. Пожарную трубу...

Ланггейнрихъ. Что это еще? Въ головѣ у тебя что ли помутилось?

Фрау Шульце. Да, нѣтъ, пожаръ!

Ланггейнрихъ. Трубу услышала тетка Шульце!—Гдѣ же горитъ-то?

Фрау Шульце. У Филицевъ!

Ланггейнрихъ. Чортъ возьми! Роняетъ подшолокъ и гвозди, которые держалъ въ рукѣ.

Эде. Гдѣ горитъ?

Фрау Шульце. У Филицевъ... на чердакѣ...

Д-ръ Боксеръ. Вышелъ впередъ. Ну, и дымъ, чортъ возьми. Подойдите-ка сюда, мастеръ, отсюда все видно.

Эде. Тоже смотрѣлъ по направленію пожара; многозначительно свиститъ. Ну, тутъ ничего не подѣлаешь! И стараться нечего!

Ланггейнрихъ. Эде! Бѣги къ Шейблернъ! Скорѣй! Приведи лошадей! Для трубы! Огонь ужъ черезъ крышу пошелъ!

Онъ вбѣгаетъ внутрь кухни, сбрасываетъ фартукъ, надѣваетъ пожарную каску.

Фрау Шульце. И дома-то никого нѣтъ! Господи Боже мой!

Д-ръ Боксеръ. Ну, это только хорошо! Издали слышны тревожные звуки трубы.

Фрау Шульце. Слышите, г. докторъ, трубятъ!

Ланггейнрихъ. Выходитъ одѣтый брантмейстеромъ. Ну, Шульце, уходите-ка отсюда... Отправляйтесь-ка лучше на-верхъ. Здѣсь съ этой клистирной трубкой дѣлать ничего. Идите - ка на-верхъ къ женѣ. Батюшки! А ключъ отъ пожарнаго сарая! Чортъ его возьми со всѣмъ! Фрау Шульце уходитъ въ домъ, Раухгауптъ высовываетъ голову изъ-забора.

РАУХГАУПТЪ. Какъ въ воздухѣ гарью-то пахнетъ, мастеръ!
ЛАНГГЕЙНРИХЪ. Здорово пахнетъ! У Филицевъ пожаръ!
РАУХГАУПТЪ. Чортъ возьми! А я и не знаю!
ЛАНГГЕЙНРИХЪ. На то, милый, ты и полицейскій!

Убѣгаетъ. Стремительно убѣгаетъ четырнадцатилѣтнй мальчикъ.

МАЛЬЧИКЪ. Обращаясь къ дру Боксеру. Мастеръ! Ключъ отъ пожарнаго сарая! Пожарной трубы вывезти нельзя.

Д-ръ Боксеръ. Да, успокойся ты! Я не мастеръ!

МАЛЬЧИКЪ. Бѣгите скорѣе къ трубѣ!

Д-ръ Боксеръ. Да, я-жъ тебѣ уже сказалъ, мальчикъ.

МАЛЬЧИКЪ. Да, пожаръ вѣдь.

Д-ръ Боксеръ. Знаю! Мастеръ уже ушелъ. Уже онъ теперь давно-поди съ трубой возится.

МАЛЬЧИКЪ. Пожаръ! Идите-же къ трубѣ! Убѣгаетъ.

РАУХГАУПТЪ. Вышелъ въ ворота съ двумя маленькими дѣвочками, онѣ держатся за его платье. Я къ этимъ исторiямъ привыкъ! Меня это не пугаетъ! Мица, Лотта! Пойдемъ смотрѣть!—Много сотенъ пожаровъ я видѣлъ!

Д-ръ Боксеръ. Снимаетъ фартукъ. Для людей-то, вѣдь, это горе.

РАУХГАУПТЪ. На свѣтѣ всюду горе. Только, какъ глядѣть на это! А то, то же самое можетъ и радостью быть. Я, напримеръ, ананасы выращиваю, и оранжерея моя, видите ли, граничить съ задней стѣной дома Филицевъ: значить, мнѣ, дня три топить не надо. Изъ воротъ выходитъ дѣвочка постарше и вертится около остальныхъ. Изъ окна высовывается фрау Шульце.

ФРАУ ШУЛЬЦЕ. Говорить въ комнату. Успокойтесь, хозяйка! Вѣтеръ совсѣмъ съ другой стороны. Скрывается.

РАУХГАУПТЪ. Видѣли пожарную вѣдьму? Всегда знаетъ, куда вѣтеръ дуетъ!—Я въ отставку вышелъ... правда! Да и вѣчно быть ищейкой... мнѣ не хотѣлось. Теперь я ужъ не вмѣшиваюсь въ дѣла. Проходитъ жандармъ, взволнованно трубить. Не бѣсись, Августъ! Да не старайся такъ! А то, смотри, штаны лопнуть!

ЖАНДАРМЪ. Въ бѣшенствѣ. Смотри ты, морда! Убирайся въ свою кротовую нору! Трубить и идетъ дальше. Къ старику подходить четвертая дѣвочка девяти лѣтъ и пятая—десяти.

Д-ръ Боксеръ. Смѣясь. А малый зубоскалъ!

РАУХГАУПТЪ. Юстека, Ленека, давайте-ка руки—Э! Все суета. Никто не знаетъ, что важно въ жизни. Трубить! Чисто Иерихонская труба! Или гласъ трубный на страшномъ судѣ. Три дѣвочки одиннадцати, двѣнадцати и тринадцати лѣтъ выходятъ тоже изъ калитки и присоединяются къ группѣ.

Д-ръ Боксеръ. Я не понимаю, что вы хотите сказать г. Раухгауптъ?

РАУХГАУПТЪ. А можетъ, это тетка Вольфъ сама таракановъ подпалила. Ну, что-жъ! А можетъ, и не такъ! Только уже, если тетущка Вольфъ за что возьмется, ни передъ чѣмъ не остановится!

Д-ръ Боксеръ. Что вы хотите этимъ сказать?

РАУХГАУПТЪ. Только это и хочу сказать!

Уходитъ вмѣстѣ съ дѣтьми.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Служебный кабинетъ старшины ВЕРГАНА. Большая, выбѣленная комната въ нижнемъ этажѣ. Въ лѣвой стѣнѣ входная дверь. У стѣны направо служебный столъ заваленный книгами, дѣлами и т. п., за нимъ кресло старшины. У средняго окна столикъ и стулъ для писаря. Ближе къ авансенѣ, направо, шкафъ изъ простого дерева. Вдоль лѣвой стѣны нѣсколько полокъ для дѣлъ. Въ задней стѣнѣ небольшая дверца.

Нѣсколько стульевъ.

ГЛАЗЕНАПЪ сидитъ за своимъ столикомъ. Кресло старшины не занято. Передъ служебнымъ столомъ, ведя довольно возбужденный разговоръ, ожидаютъ докторъ БОКСЕРЪ, ЛАНГГЕЙНРИХЪ, въ формѣ брантмейстера, ЭДЕ и трое пожарныхъ.

Всѣ они красные, грязные, мокрые и вымазанные въ сажу.

ФРАУ ШУЛЬЦЕ, нѣсколько блѣдная, присѣла на одинъ изъ стульевъ и тоже ждетъ. Она въ глубокомъ раздуміи, неоднократно снимаетъ головной платокъ и, пригладивъ сѣдые волосы, снова повязывается имъ.

Время — тотъ же самый день, что и во второмъ дѣйствіи, приблизительно часовъ пять спустя.

Разговоръ внезапно замолкаетъ.

Старшина ФОНЪ-ВЕРГАНЪ входитъ съ крайне дѣловымъ видомъ. Онъ держитъ пальцы лѣвой руки у лѣваго глаза, какъ еслибъ у него тамъ болѣло, садится за столъ, отнимаетъ руку, болѣзненно моргаетъ глазомъ и говорить.

ВЕРГАНЪ. Ну, какъ тамъ съ этимъ свинствомъ?

ЛАНГГЕЙНРИХЪ. Замѣтно возбужденный работой, водкой и пивомъ. Осмѣлюсь доложить, г. баронъ, сгорѣло все до тла.

ВЕРГАНЪ. Бросая какую-то принесенную съ собою вещь на столъ передъ собою. Это — кабинетная фотографія въ рамкѣ изъ козульихъ ногъ. А потому что всѣ вы рохли! Ужасныя рохли, всѣ до одного. Отсюда до

Берлина нѣтъ и трехъ миль, и дѣло могло бы принять совсѣмъ иной оборотъ.

ЭДЕ. Доктору Боксеру, вполголоса. А тутъ все вышло наоборотъ.

ЛАНГГЕЙНРИХЪ. Г. баронъ...

ВЕРГАНЪ. Ладно. Я знаю, въ чемъ дѣло-то. Вынимаетъ носовой платокъ, вытираетъ потъ со лба и дотрогивается до своего глаза.

ЛАНГГЕЙНРИХЪ. Г. баронъ, осмѣлюсь почтительнѣйше перебить... свое мы сдѣлали честь честью. Съ трубой-то мы были на мѣстѣ...

ВЕРГАНЪ. Обзаведитесь трубой получше.

ЛАНГГЕЙНРИХЪ. А если, г. баронъ, воды не оказывается.

ВЕРГАНЪ. Но пиво оказалось же!

ЛАНГГЕЙНРИХЪ. — — — — — ?

ЭДЕ. При тушеніи развивается жажда.

ВЕРГАНЪ. На дѣлѣ-то, повидимому, такъ и было.—Глазенапъ, посмотрите пожалуйста, я тутъ чѣмъ-то глазъ засорилъ. Глазенапъ вскакиваетъ и осматриваетъ. Только я началъ допрашивать фрау Шульце, какъ сѣверная стѣна рухнула. Должно быть искра, что-ли.—Кстати, Шульце не была здѣсь?

ФРАУ ШУЛЬЦЕ. Я здѣсь.

ГЛАЗЕНАПЪ. Такъ точно, г. баронъ. ВЕРГАНЪ киваетъ. Глазенапъ отступаетъ назадъ и направляется къ своему столу.

ВЕРГАНЪ. Нуте-съ, дальше! До моего слуха дошло... мнѣ сообщила фрау Шульце, что передъ вашей мастерской, Ланггейнрихъ, имѣло мѣсто нѣкое происшествіе.—Вы, значить, видѣли этого олуха какъ разъ передъ тѣмъ, какъ пламя выбилось наружу, и у него оказалась коробочка спичекъ. Такъ какъ же эта исторія со спичками? Потрудитесь-ка изложить.

ЛАНГГЕЙНРИХЪ. Коробочка спичекъ у него, значить, была. Это точно.

ВЕРГАНЪ. И онъ уронилъ ее.

ЭДЕ. А я поднималъ. Вѣрно.

ВЕРГАНЪ. Вы?

ЭДЕ. Такъ точно. Какъ-будто я. Да вотъ она. Только спички-то

тутъ не всѣмъ налицо, я нѣсколько разъ закуривалъ. Кладетъ коробочку со спичками на столъ.

ВЕРГАНЪ. Непріятно задѣтый манерой Эде, беретъ коробочку и пристально смотритъ на него. Вы, конечно, старательно помогали, да?

ЭДЕ. Здорово! Тутъ ужъ шутки въ сторону.

ВЕРГАНЪ. Я разумѣю, особливо при выпивкѣ?

ЭДЕ. Я такъ и понималъ. Было дѣло.

ВЕРГАНЪ. А вы очень шутливо настроены?

ЭДЕ. Я всегда веселъ и доволенъ, г. старшина!

ВЕРГАНЪ. Это меня чрезвычайно радуетъ. — Скажите, вы докторъ Боксеръ?

БОКСЕРЪ. Совершенно вѣрно. Докторъ Боксеръ.

ВЕРГАНЪ. Такъ это вы? Такъ, такъ! А я васъ почти не узналъ. У вашей матери тутъ еще мелочная лавченка... Вѣдь вашъ батюшка былъ по торговой части?...

БОКСЕРЪ. Умышленно не понимая. Да, мой отецъ числился въ ополченіи и въ 70-мъ году получилъ желѣзный крестъ.

ВЕРГАНЪ. Ахъ, вотъ какъ?! Очень просто! Понимаю.—Ваша мать недавно прибѣгала ко мнѣ и приносила нѣсколько каменьевъ. Окно въ кухнѣ выбили, что ли. Шальное мужичье пошло! Я, разумѣется, нарядилъ слѣдствіе. По слухамъ, намѣрены поселиться здѣсь?—Но тутъ уже имѣется превосходный врачъ!—Бывшій штабной! Въ высшей степени дѣльный.

БОКСЕРЪ. Я въ этомъ ничуть не сомнѣваюсь.

ВЕРГАНЪ. Да,—откровенно говоря, въ наше время... удастся ли вамъ здѣсь устроиться?

БОКСЕРЪ. Со всѣмъ этимъ я могу преспокойно подождать.

ВЕРГАНЪ. Разумѣется, и мы тоже. Нуте-съ, продолжайте.—Что вы изволили замѣтить по настоящему дѣлу, докторъ Боксеръ?

БОКСЕРЪ. Ахъ да, это, конечно, насчетъ исторіи со спичками.

ВЕРГАНЪ. Насчетъ того, какъ трубили, и насчетъ коробочки спичекъ?..

БОКСЕРЪ. Ну, конечно.

ВЕРГАНЪ. Гдѣ вы изволили быть, когда это произошло?

БОКСЕРЪ. Я стоялъ у кузницы мастера Ланггейнриха.

ВЕРГАНЪ. У васъ тамъ было какое-нибудь особенное дѣло?—Да вы только не выходите изъ терпѣнія. Во-первыхъ, это меня нисколько не касается. Про вашу симпатію къ ремесленникамъ намъ уже давно извѣстно. А парня теперь, значить, засаждать. Думаю, что вахмистръ Чахе его поймаетъ. Во всякомъ случаѣ, онъ напалъ на слѣдъ. Его и въ Рансдорфъ видѣли. Призовите-ка Садову! Глазенацъ уходитъ въ дверь въ задней стѣнѣ.

БОКСЕРЪ. Г. старшина, я свободенъ?

ВЕРГАНЪ. Къ величайшему прискорбію. Подождите. Шульце! Куда же сегодня вашъ племянникъ пропалъ? Я его что то цѣлый день не видалъ. Никто не знаетъ, гдѣ вахмистръ Шульце!

ЭДЕ. Вполголоса. Послать бы за нимъ приказъ о задержаніи.

ВЕРГАНЪ. Никто не знаетъ, гдѣ вахмистръ Шульце?—Еще никто не справлялся о фрау Филицъ? Или она еще не пріѣзжала изъ Берлина?—Пусть кто-нибудь сходить къ коммерціи совѣтнику Рейнбергу—Глазенапу, который снова появляется. Тамъ сейчасъ г. Шмаровскій, зять: онъ тамъ сегодня представляетъ свои строительные чертежи. Расскажите ему какъ-нибудь поосторожнѣе, въ чемъ дѣло.

ЭДЕ. Вполголоса Боксеру и Ланггейнриху. Да, да, чтобы онъ не споткнулся о колокольню. Ланггейнрихъ и Боксеръ съ трудомъ удерживаются отъ смѣха.

ВЕРГАНЪ. Замѣтивъ это. Вы, можетъ быть, находите это смѣшнымъ?—Ужъ не знаю, съ чего бы вамъ еще смѣяться, Ланггейнрихъ. Если люди честно трудятся и работаютъ и на нихъ сваливается такая вотъ бѣда, такое вотъ испытаніе Божье, такъ тутъ ужъ прямо скажешь: избави насъ Богъ: тутъ мнѣ не до смѣху!—Такъ вамъ не бросилось въ глаза... вамъ не представлялось, что у мальчишки...? Я разумѣю, насчетъ пожара! Что у мальчишки, какъ будто не совсѣмъ ладно?

ЭДЕ вполголоса Боксеру и Ланггейнриху. Настоящего ладу отъ него и не дожدهшься.

ВЕРГАНЪ. Онъ показался вамъ подозрительнымъ? Да? Или нѣтъ? Неужели вамъ и въ голову не приходило, что это онъ, можетъ быть, и поджегъ?

БОКСЕРЪ. Нѣтъ! Потому что я слишкомъ отсталъ отъ здѣшнихъ интересовъ. Разобраться въ здѣшнихъ обстоятельствахъ мнѣ не подъ силу.

ВЕРГАНЪ. Какъ такъ?

БОКСЕРЪ съ виду очень серьезно. Я являюсь сюда изъ незатѣйливыхъ условій жизни. На водѣ привыкаешь къ тѣсотѣ Однимъ словомъ! Пока что я здѣсь не могу судить и убѣдительно прошу снисхожденія.

ВЕРГАНЪ. Да тутъ вовсе не идетъ дѣло о какихъ бы то ни было условіяхъ жизни. Здѣсь рѣчь о конкретномъ случаѣ. Напримѣръ, мальчикъ трубилъ. Какое это имѣетъ отношеніе къ тѣсотѣ и къ простору?

БОКСЕРЪ. Совершенно справедливо. У меня не хватаетъ широты взгляда. Я не могу такъ вдругъ снова войти въ колею. Естественно, я чувствую всю важность, всю вѣскость мѣстнаго положенія вещей, а это, г. баронъ, прежде всего сбиваетъ меня съ толку.

ВЕРГАНЪ. Все-таки онъ трубилъ, вотъ этакъ, въ руку? Ланггейнрихъ, вы тоже вѣдь слышали, какъ трубили?

ЛАНГГЕЙНРИХЪ. Такъ точно! Трубить - то онъ трубилъ здорово.

ЭДЕ. Если кто взялся этакъ трубить, тутъ ужъ онъ затрубить, тутъ ужъ услышишь трубу.

ВЕРГАНЪ. Ланггейнриху. Ну, а въ чемъ-нибудь другомъ вы не замѣтили ничего подозрительнаго? Я разумѣю: при самомъ тушеніи пожара? Я хочу сказать: моменты, которые указывали бы на что-нибудь другое, во всякомъ случаѣ, могли бы указать? Ланггейнрихъ задумывается, затѣмъ отрицательно качаетъ головой. Въ самый-то вы не входили?

ЛАНГГЕЙНРИХЪ. Я только заглянулъ въ избу — но тутъ ужъ потолокъ рухнулъ. Одинъ вершокъ и меня задавило бы.

ВЕРГАНЪ. Огонь былъ подложенъ снаружи. Это совершенно основательно утверждаетъ и вахмистръ Чахе. По всей вѣроятности, оттуда, отъ козьяго хлѣва. Это согласно и съ вашимъ показаніемъ, фрау Шульцъ! Вы же видѣли, какъ онъ подкрадывался къ дому! Надъ козымъ хлѣвомъ было окошко, оттуда еще всегда торчала солома. На это я еще самъ обратилъ вниманіе. Туда, на садъ Раухгаупта. Вотъ это окошко и соблазнило мальчишку. Соблазнило, потому что онъ же его видѣлъ ежедневно, — значить онъ очень просто пробрался на крышу, а оттуда и къ упомянутому отверстию. Въ высшей степени пріятное сосѣдство! — Кто тамъ такъ реветъ на улицѣ?

ГЛАЗЕНАПЪ выглядываетъ въ окошко. Сапожникъ Филицъ съ женой.

ВЕРГАНЪ. Что? Это фрау Филицъ такъ реветъ? Камни и тѣ растрогаются, право!

ФРАУ ФИЛИЦЪ громкое, порывистое рыданіе которой было слышно еще со двора, входитъ, опираясь на волостного сторожа и въ сопровожденіи своего мужа, послѣдній бережно несетъ подъ мышкой большіе новые часы съ маятникомъ. Филицъ и его жена одѣты по-праздничному.

ВЕРГАНЪ. Ахъ ты, Господи, фрау Филицъ: — уповайте на Бога! Упованіе на Бога первое дѣло во всемъ. Не умирать же изо всего этого. — Никкель, принесите сюда коньяку. Никкель! Сходите къ моей женѣ. Сперва ее надо привести въ чувство. — Сдѣлайте мнѣ одолженіе, перестаньте слезы - то лить. Я же вамъ вѣрю. Это же не шуточный ударъ судьбы. Цѣнныя вещи у васъ сгорѣли? — Фрау Филицъ всхлипываетъ громче. Фрау Филицъ! А фрау Филицъ! Да слушайте же меня! Пожалуйста, слушайте, разъ я съ вами говорю! Не сходите же съ ума. Поняли? Не теряйте головы, фрау Филицъ! Вы же женщина разсудительная. — Ну, нѣтъ, такъ нѣтъ. Никкель, который ушелъ, было, возвращается съ графиномъ рома и рюмкой. Сюда водку. — Я лучше буду съ вами говорить, Филицъ, васъ это, повидимому, не такъ оше-

ломило. Нужно, видите ли, быть мужчиной! Нужно примириться со всякимъ положеніемъ. Такъ вотъ, Филицъ, растолкуйте вы мнѣ! Во-первыхъ, я повторю свой вопросъ: цѣнныя вещи у васъ сгорѣли?

Филицъ. Пока онъ говоритъ, ему только отчасти удается сдержать судорожный припадокъ плача. Такъ точно. Шесть синихъ бумажекъ.

Верганъ. Чортъ возьми! Правда? И номера, конечно, неизвѣстны. Дѣти мои, вы непростительно легкомысленны. Объ этомъ нужно было раньше подумать. Теперь это ни къ чему. Слышите, Филицъ? Раньше подумать! — Теперь я самъ готовъ разревѣться. — Понимаете? Наличныя деньги [кладутъ въ банкъ. Да и вообще: вся эта исторія... Нельзя такъ оставлять свое добро. Свое имущество нельзя такъ бросать, въ особенности, гдѣ такая сволочь завелась.

Филицъ. Я же... ахъ... кто бы могъ подумать, г. старшина Верганъ. Положите же ваши часы.

Филицъ. Я человѣкъ смирный, г. старшина. Я же... я... ахъ, ты, Боже мой! Я не пойму, какъ это случилось. — Съ людьми я живу въ ладахъ, не ссорюсь... Промахи-то я дѣлалъ въ жизни. Въ дурномъ обществѣ безъ этого не проживешь. Но что они со мною такую штуку сыграли, такъ я этого, видите Богъ, не заслужилъ.

Фрау Филицъ. Сквозь слезы. Филицъ, я тебѣ что всегда говорила! Чья теперь правда, а? Кто теперь правъ? Лично изъ-за насъ враговъ ты себѣ не нажилъ. Тутъ совсѣмъ другая исторія. Г. фонъ-Верганъ узнаетъ, почему.

Филицъ. И, мать, молчи, это же была моя обязанность.

Эде, полу-шутя, полу-серьезно грозитъ Филицу кулакомъ, сзади, надъ его головой. Верганъ замѣчаетъ это.

Верганъ. Эй вы тамъ! Что вы тутъ сдѣлали? Вы же стояли за Филицемъ и держали надъ его головой кулакъ.

Эде. Кажись, я только потянулся.

Верганъ. Послушайте, я вамъ вотъ что скажу: сумасшедшимъ мѣсто въ сумасшедшемъ домѣ. А если вы еще позволите

себѣ дерзости, такъ вы еще угодите въ яму! — Я васъ не совсѣмъ понялъ, фрау Филицъ. Вы на что-то намекали. Есть у васъ на кого-нибудь подозрѣніе? Въ подробности вдаваться я не стану. Вы, можетъ быть, подозрѣваете, какъ бы это выразиться, какой-нибудь актъ политической мести? Тогда вамъ безусловно нельзя останавливаться. Тогда-то ужъ мы выяснимъ всю подноготную.

Фрау Филицъ. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, у меня ни малѣйшаго подозрѣнія. Я лучше пойду побираться на большую дорогу. Винить человѣка я не берусь. Не знаю. Я тутъ ничего не понимаю. Настаиваю на этомъ. Я ровно ничего не знаю. Все было заперто на ключъ. Мы уѣхали. Огонь на кухнѣ потушили, плита была холодная. И какъ только это могло случиться? Не могу понять. Я ровно ничего не знаю. Но, видите ли, разъ ужъ тутъ нашелся такой молодчикъ и начинаетъ такіе-то намеки дѣлать! Это кого хочешь задѣнетъ.

Верганъ. Объ этомъ вы ни капельки не тревожьтесь. Къ чему бы насъ это привело? Кто въ наше время ходитъ въ церковь, на того весь свѣтъ возстаетъ. Вы только положитесь на меня. Роеся въ бумагахъ. Кстати, я тамъ кое-что спасъ. Портретъ вашего покойнаго мужа. По крайней мѣрѣ, я думаю, что это онъ. Въ оправѣ изъ козулькихъ ножекъ. Находить портретъ и передаетъ его фрау Филицъ. Вотъ онъ!

Фрау Филицъ. Беретъ портретъ, быстрымъ движеніемъ схватываетъ руку Вергана и со слезами цѣлуетъ ее.

Эде. Довольно громко. Нѣтъ ли у кого ненарокомъ кусочка губки? А то какъ бы чулки не замочить!

Верганъ. Запишите его, Глазенапа! Вонъ! Сейчасъ же! Проваливайте.

Эде уходитъ со смѣшными движеніями рукъ и ногъ. Сдержанный смѣхъ.

Верганъ. Я удивляюсь на васъ, Ланггейнрихъ. Рожа, ну, прямо на висѣлицу. Этакій головорѣзъ! Этакій вольнодумецъ! Ужъ не разъ отсиживался за уличные безпорядки. А вы его держите и кормите.

Ланггейнрихъ. Это меня не касается, г. старшина. Я не вмѣшиваюсь въ политику.

Верганъ. Да? Неужели? Ну съ этимъ мы еще подождемъ.

Ланггейнрихъ. Разъ кто мастеръ своего дѣла...

Верганъ. Болтовня! Вздоръ! Скажи, съ кѣмъ ты водишься, и я скажу, кто ты таковъ. Слышенъ ропотъ и говоръ множества людей. Входить вахмистръ Шульце, въ полномъ парадѣ.

Верганъ. Гдѣ же вы нынче изволили пропадать, Шульце?

Жандармъ Шульце въ первое мгновеніе растерялся, потомъ говорить. Позвольте доложить! Парня - то мы поймали.

Верганъ. Такъ. Кто-же?

Жандармъ Шульце. Я и Чахе.

Верганъ. Гдѣ?

Жандармъ Шульце. Да тутъ рядышкомъ, у церкви.

Верганъ. Что-о? Здѣсь возлѣ новаго храма Божьяго?

Глазенапъ. Онъ тамъ всегда сидитъ, прислушивается къ колоколу.

Верганъ. Почему же вы объ этомъ не доложили раньше? Онъ хотѣлъ убѣжать? Бѣжалъ?

Жандармъ Шульце. Онъ сидѣлъ во рву и не замѣтилъ насъ. Чахе подѣхалъ къ нему прямо въ упоръ. Ну, а тамъ мы его сейчасъ же за шиворотъ. Уходить назадъ и брать Густава, котораго привелъ Чахе. За ними врывается нѣсколько человѣкъ.

Верганъ. Гм! Во всякомъ случаѣ онъ въ нашихъ рукахъ. Мнѣ это нѣкоторымъ образомъ жалъ! Сынъ блаженной памяти прусскаго жандарма... Никто не извѣщалъ старика Раухгаупта? Пусть кто-нибудь сходить за нимъ.

Фрау Шульце. Я тутъ хожу за однимъ больнымъ, г. старшина. Нелзя-ли мнѣ... мнѣ бы вотъ уйти...

Верганъ. Пишите протоколъ, Глазенапъ. Нѣтъ, фрау Шульце, покуда что вы должны быть здѣсь. Да мы скоро кончимъ. Нуте-съ, приступимъ къ протоколу... Откидывается назадъ въ кресло и смотритъ въ потолокъ, какъ бы стараясь собраться съ мыслями для диктовки.

Ланггейнрихъ тихо, доктору Боксеру. Взгляните-ка на фрау

Филицъ, докторъ! Ну что? Она вѣдь совсѣмъ пожелтѣла? Тутъ, доложу я вамъ, кой-что не ладно. Зажавъ что-то въ рукѣ, показываетъ доктору Боксеру, который отстраняетъ. Хотите посмотрѣть? Да? Это же фитиль.

Боксеръ тихо. Какъ онъ сюда попалъ?

Ланггейнрихъ. А этого ужъ я не знаю! Откуда угодно могъ попасть. И изъ погреба Филицовъ. Ну да! Развѣ вамъ не кажется? И пожелай я только насолить, докторъ...

Верганъ. Частнымъ разговорамъ здѣсь не мѣсто.

Фрау Филицъ дергаетъ Ланггейнриха и спрашиваетъ потихоньку. Вы встрѣчали сегодня Леонтину? А гдѣ?

Ланггейнрихъ. Съ торжествующимъ взглядомъ въ сторону Шульце. По сю сторону Вольтерсдорфскаго лѣса.

Верганъ. Такъ вотъ, Глазенапъ... Ужасныя исторіи. Въ нынѣшнюю осень это уже седьмой пожаръ. Это теперь называется цивилизованнымъ обществомъ! Эта шайка поджигателей смѣетъ считать себя христианами! Стоитъ только вечеромъ выйти на балконъ, всегда гдѣ-нибудь зарево. Иногда въ ясныя ночи я насчитывалъ на небѣ до пяти подрядъ. — Издѣвательство надъ судомъ и закономъ! У мерзавцевъ такъ это вошло въ моду, какъ будто это праздничное развлеченіе. Но погодите! Потерпите, господа. Мы напали на слѣдъ! Держимъ слѣдъ! Кого поймаемъ, тому придется самымъ ужаснымъ образомъ опомниться, когда возмездіе нагрянетъ на нихъ врасплохъ.

Кто сколько-нибудь смыслитъ въ криминалистикѣ, тотъ знаетъ, что она медленно, но вѣрно подвигается впередъ и въ концѣ концовъ ловить преступника навѣрняка. — А ландратъ Штекель совершенно основательно замѣтилъ: полное паденіе нравственности, одичаніе по всей линіи — слѣдствіе недостатка религіи! А образованные люди осмѣливаются посягать на божескія основы, на которыхъ зиждется зданіе спасенія. Но, слава Богу, мы-то на посту! Мы такъ сказать: *toujours en vedette*! — А тебѣ, паренекъ, тебѣ я тоже скажу: Богъ-то есть! Понялъ, есть Богъ въ небесахъ, отъ Котораго не укроется ни единое мерзостъ.

Красный пѣтухъ.

ное дѣяніе. Любовь къ ближнему! Христіанскій духъ! Брюки натянуть да по заду отшлепать! Я у тебя отобью охоту ба- ловаться огнемъ! Подлый олухъ! Негодяй!—Такъ вотъ, докторъ Боксеръ. Вы меня понимаете! Вы можете преспокойно пожимать плечами, право же, это меня ничуть не тревожитъ. Можете даже и за перо схватиться и на всѣхъ перекресткахъ караулъ кри- чать! Палка! Пощечины! Христіанское воспитаніе! Безъ чув- ствительныхъ словъ, поняли?

Передъ Буддой мы не струсимъ!!

ГУСТАВЪ въ свою очередь все болѣе и болѣе возбуждается возрастающимъ раздраженіемъ оратора, такъ что къ концу рѣчи онъ уже не можетъ больше совладать съ собой и разражается громкимъ, до полной иллюзіи схваченнымъ, ослинымъ крикомъ.

И! а! а! а! И! а! а! а! Замѣшательство.

ВЕРГАНЪ также въ замѣшательствѣ. Что это значить?

Глазенапъ. Право, не знаю.

ЛАНГГЕЙНРИХЪ. Это его конекъ, г. старшина. Густавъ славится умѣньемъ подражать звѣринымъ крикамъ!

ВЕРГАНЪ. Вотъ какъ! И чей же это былъ крикъ?

ЛАНГГЕЙНРИХЪ. Повидимому, льва. Громкій хохотъ.

ВЕРГАНЪ. Пожимаетъ плечами, насмѣшливо улыбается и направляется къ своему мѣсту. Тишина. Потомъ новый взрывъ хохота. Прошу потише! Нечего тутъ смѣяться! Тутъ намъ не до праздныхъ остротъ. Шутить тутъ не мѣсто. Мы здѣсь разбираемъ очень серьезное дѣло. Это не потѣха въ циркѣ! Входитъ Раухгауптъ. Онъ останавливается и безпомощно и тупо озирается кругомъ.

ФРАУ ФИЛИЦЪ дергаетъ за сюртукъ жандарма Шульце, который стоитъ тутъ же возлѣ нея, повернувшись къ ней спиной; онъ оборачивается и она съ озабо- ченнымъ видомъ спрашиваетъ его.

Вы сегодня видѣли дѣвченку?

ЖАНДАРМЪ ШУЛЬЦЕ. Киваетъ головой и отворачивается.

ФРАУ ФИЛИЦЪ. Какъ выше. Вы сегодня утромъ видѣли Леонтину?

ЖАНДАРМЪ ШУЛЬЦЕ. Снова киваетъ головой и отворачивается.

ФРАУ ФИЛИЦЪ. Какъ выше. А гдѣ вы ее встрѣтили, г. вах- мистръ?

ЖАНДАРМЪ ШУЛЬЦЕ. Почти не шевеля губами. Пройдя Воль- терсдорфскій лѣсъ.

РАУХГАУПТЪ. Ланггейнриху. Что тутъ случилось? Что тутъ такое?

ВЕРГАНЪ. Замѣтивъ Раухгаупта. Вы прусскій вахмистръ съ пен- сіей?

РАУХГАУПТЪ. Не разслышавъ вопроса. Шульце, товарищъ, что тутъ такое?

ЖАНДАРМЪ ШУЛЬЦЕ. Г. баронъ о чемъ-то спрашиваютъ тебя. Я не могу сообщить тебѣ никакихъ свѣдѣній, это проти- ворѣчитъ моимъ инструкціямъ. Ты бы построже смотрѣлъ за парнемъ! Я тебя сколько разъ училъ.

РАУХГАУПТЪ.— Не знаю, чему ты меня училъ!! — Этакій старый болванъ! Училъ!

ЖАНДАРМЪ ШУЛЬЦЕ. Прошу занести въ протоколъ, Раухгауптъ оскорбилъ меня при исполненіи служебныхъ обя- занностей.

РАУХГАУПТЪ. Что-о? Это тѣмъ, что ты старый безтолко- вый дуралей? Значить, я этимъ оскорбилъ тебя при исполненіи служебныхъ обязанностей...

ВЕРГАНЪ. Милѣйшій! А вы знаете, гдѣ вы? Вы изъ даль- ней Индіи, что ли, являетесь? Да чортъ бы васъ побралъ. Смирно! Слушаться приказаній!

РАУХГАУПТЪ. Слушаюсь! Позвольте почтительнѣйше до- ложить, г. старшина...

ВЕРГАНЪ.— что вы упрямый бунтовщикъ! Накличете вы, добрѣйшій, бѣду на себя! Давно ли вы въ отставкѣ?

РАУХГАУПТЪ. Одиннадцать лѣтъ.

ВЕРГАНЪ. Вдобавокъ у васъ, повидимому, еще и память не въ порядкѣ. Да и вообще, этакая вотъ наружность! Чортъ возьми! Этакая внѣшность у стараго вахмистра... Такихъ и не выдывалъ.

РАУХГАУПТЪ. Я же... Почтительнѣйше прошу извинить...

ВЕРГАНЪ. Никакихъ извиненій тутъ не полагается! По- няли? Отъ васъ прямо воняетъ. Вы заражаете воздухъ.

РАУХГАУПТЪ. Да это же просто запахъ землицы...

ВЕРГАНЪ. Конскаго навоза.

РАУХГАУПТЪ. Должно быть отъ ананасовъ... Смѣхъ.

ВЕРГАНЪ. Вотъ что: пожалуйста, поскорѣе убирайтесь, а то, я ужъ сказалъ... Ну, маршъ! маршъ! маршъ! Вы, вѣроятно, видѣли, что тутъ происходитъ, а больше вамъ тутъ дѣлать нечего. Кончено! Вотъ тутъ бумаги, вахмистръ! И прямо въ судъ.

Передастъ Шульце бумаги, жандармы побрякиваютъ саблями, берутъ Густава и собираются уводить его. Въ это время Раухгауптъ, вытаращивъ глаза съ возрастающею боязнью безпомощно озирается кругомъ. Тишина.

БОКСЕРЪ. На мой взглядъ, г. старшина, мальчикъ тутъ больной. Простите, что я еще разъ вмѣшиваюсь...

ЛАНГГЕЙНРИХЪ. Мальчишка съ придурью, онъ совсѣмъ сумасшедшій.

ФРАУ ШУЛЬЦЕ. Нѣтъ, нѣтъ, г. докторъ! Да нѣтъ же, Ланггейнрихъ, юнецъ знаетъ, что дѣлаетъ. Мнѣ тутъ повезло, одиннадцать цыпляточекъ у меня вывелось, такъ онъ цѣлыхъ семь штукъ истребилъ.

ЖАНДАРМЪ ШУЛЬЦЕ. И, тетка, а та другая исторія, какъ онъ у васъ сумочку-то стянулъ.

ФРАУ ШУЛЬЦЕ. Ахъ да, и сумочку—со всѣмъ, что въ ней было. Да еще какъ изловчился-то... ловчѣе и здоровый не устроить!

ЖАНДАРМЪ ШУЛЬЦЕ. И потомъ еще большой платокъ...

ФРАУ ШУЛЬЦЕ. Да, да, а съ карманнымъ-то пистолетомъ. Мальчикъ въ здоровомъ разсудкѣ, вполне. На то я старая опытная женщина.

РАУХГАУПТЪ. Кто ты такая? Кто ты? Старая вѣдьма, да еще съ длиннымъ дряннымъ языкомъ! Ты сперва на себя погляди, чѣмъ другихъ-то оговаривать. Вотъ если бъ кто-нибудь въ твои дѣла заглянулъ, насчетъ воспитанія дѣтей и прочаго, чтобы, значитъ, ангелочки въ небесахъ не переводились!—тутъ такія штуки вышли бы наружу—да, да!—что тебѣ лучше бы не видѣть

и не слышать.—Въ чемъ тутъ дѣло? Что тутъ такое съ Густавомъ. Я долженъ, наконецъ, знать, что тутъ такое.

ВЕРГАНЪ. Молчать!!! Жандармамъ. Направо кругомъ и маршъ!

РАУХГАУПТЪ. Стой, говорю! Куда же это, этакъ-то не годится. Про это нигдѣ не писано. Я тутъ отецъ этому ребенку. Что онъ такое сдѣлалъ? Что онъ могъ сдѣлать такое? Густавъ! Въ чемъ они тебя, наконецъ, обвиняютъ? Я въ шлезвигъ-гольштейнскомъ походѣ участвовалъ. Въ шестьдесятъ шестомъ году былъ въ бою, а въ семидесятомъ раненъ. Вотъ моя нога, а вотъ рубцы. Я прусскому королю служилъ...

ВЕРГАНЪ. Вы намъ надоѣли съ вашими старыми исторіями.

РАУХГАУПТЪ. Съ Богомъ за короля и отечество! Но вотъ этого, этого я не позволю. Я хочу знать, что тутъ такое съ Густавомъ!

ВЕРГАНЪ. Эй, вы! Послушайте! Теперь вамъ пора и за умъ-то взяться! Я вамъ уже сказалъ. Только принимая во вниманіе ваши заслуги, я на многое сквозь пальцы смотрѣлъ. Вотъ вамъ послѣдняя льгота, смотрите. Этотъ фруктъ, вашъ сынокъ, тутъ домъ поджегъ—по меньшей мѣрѣ сильно въ этомъ заподозрѣнъ. А теперь убирайтесь-ка прочь съ дороги и не мѣшайте больше служащимъ. Ну, Шульце, пошли!

РАУХГАУПТЪ. Домъ поджегъ??? Здѣсь? Вотъ этотъ? У... тамъ? Тамъ? У Филицевъ? Густавъ? Мой сынокъ? Вотъ этотъ мальчикъ? Боже правый! Надъ этимъ я смѣюсь! Хотя тутъ никто не смѣется! Да ну, Шульце, не дѣлай тутъ глупостей! Я вѣдь тоже свѣтлыя пуговицы носилъ.—Здрасте, фрау Филицъ! Ну, Филицъ, какъ дѣла? Куда же ты думаешь вѣшать свои часы?

ФРАУ ФИЛИЦЪ. Вотъ видите, онъ еще издѣвается.

РАУХГАУПТЪ. Да нѣтъ же! Чѣмъ же я надъ тобой издѣаюсь? Это же такое несчастье! Господи, Боже мой, вотъ еще Да провались я тутъ же на мѣстѣ. При такихъ-то обстоятельствахъ,—нѣтъ, нѣтъ, я надъ тобой не издѣваюсь. Вообще-то я за многое беру, я такихъ молодцовъ укладывалъ, что изъ моихъ

товарищей никто не посмѣлъ бы. Кое-что попадало. Согласенъ! Но прежде чѣмъ связаться съ такой, какъ ты, я лучше тутъ же на мѣстѣ повѣшусь.

ФРАУ ФИЛИЦЪ. Почти посѣрѣвъ съ лица, дрожащими губами, но все-таки въ сильномъ воодушевленіи и съ достаточной энергіей. Чего онъ тутъ ко мнѣ привязался? Что собственно я ему сдѣлала? Чтò я съ этимъ подѣлаю, разъ такъ вышло? Я ничего не видѣла. Меня при этомъ не было. Я никого не подозреваю. А что они задержали мальчишку, такъ я объ этомъ знала не больше вашего.

РАУХГАУПТЪ. Фрау Филицъ! А фрау Филицъ! Посмотри-ка на меня.

ФРАУ ФИЛИЦЪ. Глупости! Оставь меня въ покоѣ. Оставь меня въ покоѣ и не заводи тутъ исторій, я и безъ того намыкалась вдоволь. И доктора говорятъ, не слѣдуетъ, молъ, волноваться, а то одинъ мигъ—и нѣтъ человѣка! А тутъ вотъ онъ какой... не знаешь, куда и голову приклонить... мы не знаемъ, гдѣ и ночевать-то будемъ. Прямо на улицѣ очутились—ни живъ ни мертвъ человѣкъ и шабашъ и...

РАУХГАУПТЪ. Фрау Филицъ! А фрау Филицъ! Ну-ка, погляди на меня—?

ФРАУ ФИЛИЦЪ. Оставь меня въ покоѣ и проваливай. Я не позволю тебѣ такъ со мной обращаться! Ну, я могу смотрѣть на тебя. Отчего же нѣтъ? Я могу смотрѣть на тебя три дня и три ночи и одно только и увижу, что ты оселъ. Если теперь все это сваливаютъ на мальчика, такъ кто же въ этомъ больше всего виноватъ? Ты чтò говорилъ про мальчика? Ты говорилъ:—крадетъ, съ огнемъ пошаливаетъ, стогъ соломы спалилъ у тебя, а теперь вотъ диву дался, что такъ вышло! Ты бѣднаго мальчика всего исполосовалъ... Мальчишка прибѣжалъ ко мнѣ, у него было столько синяковъ, что на всемъ тѣлѣ живого мѣста не осталось. А теперь вотъ оказывается, онъ, молъ, сумасшедшій.

ВЕРГАНЪ. Подаетъ жандармамъ знакъ, они берутъ Густава и ведутъ его

къ двери. Раухгауптъ замѣчаетъ это, съ быстротою молніи подскакиваетъ къ Густаву, схватываетъ его обѣими руками за плечи и не даетъ уйдти.

РАУХГАУПТЪ. Нѣтъ! Я этого не допущу, г. старшина! Мой Густавъ вовсе не преступникъ! Жиль я тутъ себѣ тихо, скромно, а теперь вотъ въ передрыгу попалъ. Прежде всего должны быть улики! Ланггейриху. Возможное-ли это дѣло, мастеръ? Ланггейрихъ пожимаетъ плечами. Да тутъ весь народъ—мошенники, это же... Не плачь, Густавъ. Видитъ Богъ, они не могутъ повредить тебѣ...

ВЕРГАНЪ. Руки прочь! Или я... Руки прочь!

РАУХГАУПТЪ. Я могу присягнуть, г. старшина, что тутъ... что мальчикъ тутъ не виновенъ.

ВЕРГАНЪ. *Tempi passati.* Накличете вы на себя бѣду. Въ послѣдній разъ: руки прочь!

РАУХГАУПТЪ. Да я его на мѣстѣ убью, г. старшина.

ВЕРГАНЪ. Становится между ними, отталкиваетъ Раухгаупта отъ его сына. Да прочь же! Вы не тронете мальчика! Посмѣйте,—вахмистръ, шашку наголо!

РАУХГАУПТЪ. Влѣднѣй, какъ мѣлъ, въ безумномъ возбужденіи, вырывается и становится передъ выходомъ. Не губите меня, г. старшина, ради Царя Небеснаго. Тутъ дѣло чести! Тутъ дѣло чести, г. старшина! Только не это, г. старшина, не дѣлайте этого. Я вамъ вотъ что предложу. Я залогъ положу. Сбѣгаю и принесу залогъ. Я сейчасъ же вернусь, г. старшина. Ну? Идетъ? Или нельзя?

ВЕРГАНЪ. Вздоръ, прочь съ дороги!

РАУХГАУПТЪ. Я знаю, кто это сдѣлалъ. Верганъ отталкиваетъ Раухгаупта въ сторону, жандармы уводятъ Густава. Въ это же время Боксеръ и Ланггейрихъ подхватываютъ и крѣпко держатъ Раухгаупта. Онъ туло пониже головой. Тишина. Верганъ молча отходитъ къ своему столу, сморкается, взглядываетъ на Раухгаупта и фрау Вольфъ и садится.

ВЕРГАНЪ. Зажгите лампу, Глазенапъ.

ГЛАЗЕНАПЪ. Зажигаетъ лампу на столѣ.

ФРАУ ФИЛИЦЪ. Нѣтъ, нѣтъ, это ужъ такъ! Вѣдь этакій человѣкъ! Готовъ всю деревню заподозрить.

ВЕРГАНЪ. Эй вы! Фрау Шульце! Проваливайте. Фрау Шульце быстро уходитъ.

ФРАУ ФИЛИЦЪ. Я хотѣла бы спросить, г. старшина... Мы еще совсѣмъ не знаемъ, гдѣ ночевать будемъ.

ВЕРГАНЪ. Да вы никакъ спите, Филицъ?

ФИЛИЦЪ. Громко изъ-за своихъ часовъ. Никакъ нѣтъ, г. баронъ.

ВЕРГАНЪ. А мнѣ показалось, ужъ очень у васъ голова повисла.

ФИЛИЦЪ. Съ дѣтской наивностью. Я только слѣдилъ за стрѣлкой.

ВЕРГАНЪ. Фрау Филицъ. Вы хотите уйти?

ФРАУ ФИЛИЦЪ. Еслибъ уже можно было... А то я насилу на ногахъ держусь.

ВЕРГАНЪ. Я думаю. Прошлую ночь вы когда поднялись?

ФРАУ ФИЛИЦЪ. — — — ?

ФИЛИЦЪ. Встали-то около восьми.

ВЕРГАНЪ. Вы всегда такъ поздно выползаете изъ постели?

ФРАУ ФИЛИЦЪ. Ахъ нѣтъ, мой мужъ сегодня совсѣмъ очумѣлъ. Мы ужъ около пяти были на ногахъ. Къ пяти мы всегда на ногахъ!

ВЕРГАНЪ. Ну, фрау Филицъ, теперь ступайте домой.— Нѣкоторымъ образомъ мнѣ это непріятно... Правосудіе поидетъ теперь своимъ чередомъ.

Солнце все выведетъ на свѣтъ.

Преступники очень плохо кончаютъ.— Вѣчный Судія не оставляетъ ихъ.— И вы тоже! Идите домой. Отправляйтесь домой и ждите. Сегодня я закрываю глаза, ваше отцовское чувство ослѣпило васъ.

РАУХГАУПТЪ. Выходить впередъ. Осмѣлюсь почтительнѣйше доложить, г. старшина...

ВЕРГАНЪ. Уходите! Уходите! Чего вамъ еще надо? Бросьте, голубчикъ, вашъ вздоръ.

РАУХГАУПТЪ. Подступивъ къ фрау Филицъ. Мнѣ Богъ свидѣтель Накрою жъ я тебя!

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Комната въ кузницѣ Ланггейнриха. Налѣво два маленькихъ окна съ занавѣсками. У одного изъ нихъ кресло, въ которомъ сидитъ ФРАУ ФИЛИЦЪ. Она замѣтно исхудала и постарѣла.— У второго окна швейная машина и передъ нею стулъ, на немъ виситъ сюртукъ, надъ которымъ работали. На самой машинѣ лежитъ блуза. Дверь въ задней стѣнѣ ведетъ въ комнату на чердакѣ. Налѣво отъ нея: коричневая изразцовая печь, направо: желтый полированный гардеробъ. Такая же дверь и въ правой стѣнѣ, ведущая въ сѣни. У той же стѣны стоитъ приготовленная кровать и дальше, къ авансенѣ, желтый комодъ. Надъ комодомъ висятъ часы. Сапожникъ ФИЛИЦЪ, стоя на комодѣ въ однихъ чулкахъ, заводитъ часы. Онъ безъ сюртука, чисто принаряженъ, въ праздничныхъ брюкахъ и въ праздничномъ жилетѣ.

По серединѣ комнаты раздвижной столъ. Надъ нимъ висячая лампа. Вокругъ стола четыре желтыхъ стула, пятый стоитъ у кровати. Кузнецъ ЛАНГГЕЙНРИХЪ и ЭДЕ, въ рабочемъ платьѣ, заняты у стола. ЛАНГГЕЙНРИХЪ держитъ желѣзный флюгеръ—въ видѣ пѣтуха,—который Эде раскрашиваетъ въ красную краску.

ЭДЕ и ЛАНГГЕЙНРИХЪ разражаются хохотомъ.

ФИЛИЦЪ, который за время ихъ смѣха успѣлъ завести часы. Опять кто-то испортилъ.

ЛАНГГЕЙНРИХЪ. Ну, конечно! Иначе и не будетъ. Ты бы за этимъ построже наблюдалъ.

Снова смѣхъ.

ФИЛИЦЪ. Я прямо говорю, ужъ если я кого поймаю! Ни на что не посмотрю.

ЛАНГГЕЙНРИХЪ. Хорошенько! Слѣдуетъ! Кто-бы то ни былъ! По моему, это Леонтина.

ФРАУ ФИЛИЦЪ. Дѣвка-то къ часамъ вовсе и не подходитъ.

Ланггейнрихъ. Ну, положимъ!

Филицъ. Никому не поздоровится, поняли! Съ этимъ у меня шутки коротки.

Эде. А въ лавку тоже надо бы часы...

Ланггейнрихъ. Непремѣнно! Я же это всегда говорилъ! Лавка на углу скоро будетъ готова, а часовъ-то туда у него и нѣтъ. Вотъ ему и нельзя будетъ открыть торговлю.

Филицъ. Поджигатели! Пройдохи! Сволочь! Смѣйтесь! Только вамъ до меня-то не дорости.

Ланггейнрихъ. Да гдѣ ужъ намъ! Тутъ ужъ мы—пасъ. Сколько условій уже заключилъ? Я разумѣю, по части поставокъ. Должно же что-нибудь быть на складѣ!

Фрау Филицъ. Да оставьте вы его въ покоѣ, мастеръ.

Филицъ. А ты поди ко мнѣ въ каморку, тамъ у меня письма и условія лежатъ, увидишь. Связки и цѣлые пакеты биткомъ набиты!

Эде. Заглядывая въ каморку. Что-то не видать.

Ланггейнрихъ. А ты подними половицы: тамъ-то письма и спрятаны. Нужно же хранить торговую тайну!

Филицъ. Еще бы не хранить! Ишь, молокососы! Сперва грамотѣ выучитесь, поняли, чѣмъ соваться въ мои дѣла.

Фрау Филицъ. Да ну, Филицъ, брось ихъ! Будетъ серчать-то. Мастеръ же не можетъ безъ шутокъ. Безъ нихъ у него все изъ рукъ валится.

Ланггейнрихъ. Правда, хозяйка, на душѣ у меня сегодня весело. Немного работы кончилъ. И если я не свалюсь съ верхушки башни, ужъ и налижусь сегодня, самымъ жестокимъ образомъ.

Фрау Филицъ. Вы эту штуку хотите сами туда посадить?

Ланггейнрихъ. Ну, разумѣется! А то какъ же? Шмаровскій сдѣлалъ чертежъ, мать, а я выковалъ, я и понесу его туда.

Входитъ Леонтина.

Леонтина. А пусть Шмаровскій самъ это сдѣлаетъ.

Эде. Сорваться-то Шмаровскій не боится.

Ланггейнрихъ. Нѣтъ, не боится! По чести говоря, это ужъ вѣрнѣе вѣрнаго. Онъ ни Бога, ни чорта не боится. Этотъ малышъ, доложу я вамъ... да противъ него Блюхеръ — ничто.

Филицъ. Я вотъ что хочу знать, мастеръ: кто новый-то домъ выстроилъ?

Ланггейнрихъ. Ну, ну, кто-же?

Филицъ. Я! Не Шмаровскій же.

Эде. Ну, разумѣется! Ясное дѣло, Филицъ.

Филицъ. Отъ перваго камня до послѣдняго! Я, и только я. Моя земля, и песокъ мой, и камень мой, и денежки мои! Всю страховую премію ухлопалъ. Спросите мать, такъ ли это.

Смѣхъ.

Фрау Филицъ. Ахъ, Боже мой, Филицъ, брось ты эту старую ерунду. Въ подобныхъ исторіяхъ ровно никакого толку.

Филицъ. Хорошо! Я тебѣ, мать, докажу. Я хочу выяснитъ, кто я такой. Вы посмотрите, какую я рѣчь буду говорить.

Фрау Филицъ. Шмаровскій говоритъ—рѣчей-то и не будетъ.

Филицъ. Я не дамъ заткнуть себѣ ротъ ни тебѣ, ни Шмаровскому. Филицъ уходитъ въ каморку.

Ланггейнрихъ. Смотрите хорошенько, мать, чтобы опять за обѣдомъ чего не случилось. Я разумѣю, какъ бы скандалъ не вышелъ! Лучше быть чуточку поосторожнѣе.

Фрау Филицъ. А вамъ надо смотрѣть въ оба.

Съ самаго начала приналежъ на хмѣльное. Мужа-то сегодня ничѣмъ не удержишь. Хочетъ быть на обѣдѣ для каменщиковъ только.

Ланггейнрихъ. А Шмаровскому вчера попало.

Эде. Вчера вечеромъ, какъ же, на собраніи.

Фрау Филицъ. Въ своей рѣчи онъ немного погорячился.

Ланггейнрихъ. А вамъ, поди, это на руку! Такъ оно и будетъ! Шельма вотъ какъ говорилъ, хозяйка: все собраніе заревѣло браво. Прямо съ плеча рубилъ.

Фрау Филицъ. А по моему, ему вовсе не слѣдовало такъ ужь горячиться.

Ланггейнрихъ. Хлестко! Наотрѣзь! А почему бы нѣтъ? Что на душѣ, то и на языкѣ! Спуску не давать! Все общество не стѣитъ большаго. Ни Верганъ, ни Фридрици. Да и вообще, хозяйка, это хорошо. Моментъ-то былъ на рѣдкость! Со своей братіей онъ теперь совсѣмъ разорвалъ. Теперь всякій знаетъ. Тутъ ужь безповоротно. Теперь онъ совсѣмъ нашъ человѣкъ, хозяйка. Этого я отъ него вовсе не ожидалъ.

Фрау Филицъ. Вы имъ, мастеръ, можете быть довольны, въ мастерской у васъ теперь сплошной гулъ стоитъ. Четверо помощниковъ...

Ланггейнрихъ. Что и говорить! Объ этомъ я не спору. Людямъ отъ него перепало. При помощи пастора Фридрици, его церковной кружки, мнѣ не удалось встать на ноги. То не пошло! А теперь вотъ сразу пошло. Конечно.—А теперь, мать, поглядывайте въ окошко, когда я буду на самомъ верху. Я кивну, крикну и затѣмъ—прыгну внизъ!

ЛАНГГЕЙНРИХЪ и ЭДЕ уходятъ съ башеннымъ пѣтухомъ. Короткое молчаніе.

Фрау Филицъ. Какъ бы Раухгауптъ сегодня опять не пришелъ?

Леонтина. Ну, мать, я не пойму, чего ты все боишься? Такого стараго дурака, какъ Раухгауптъ. Пусть приходитъ, сколько душѣ угодно—пусть болтаетъ! А хоть бы и болталъ. Дѣтской болтовни никто не слушаетъ!

Фрау Филицъ. Поди, опять всюду съ три короба нагородилъ.

Леонтина. Пускай. Я и письма получала. Вотъ опять одно, мать. Бросаетъ письмо въ конвертъ. Я этимъ ничуть не огорчена. Да и всего-то отъ этого желѣзнодорожнаго чиновника.

Фрау Филицъ. Это могъ быть и вахмистръ Шульце.

Леонтина. А то и помощникъ учителя Ленертъ, коль на то ужь пошло!

Фрау Филицъ. Да ну, брось ихъ! Парни ревнуютъ—да и новому дому Шмаровскаго имъ завидно. Они рады бросать въ насъ грязью. Только нѣтъ! Не такъ-то это просто теперь.

Леонтина. Сшила пару стежковъ. Посмотри, мама, чтò я нашла!

Фрау Филицъ. Да шей же, шей, шей! Нечего зѣвать. Платье должно быть готово къ двумъ. Адельгейда уже опять присылала! — Развѣ вотъ сбѣгай въ лавку и принеси двѣ бутылки вина, чтобы у насъ было чѣмъ чокнуться, когда они придутъ. Они, видно, скоро кончатъ.

Леонтина. Тутъ выпрямляющій корсетъ жены мастера.

Фрау Филицъ. Несчастная была женщина: и шнуровали то и перевязывали и затягивали, а отъ горба все-таки не избавилась.

Леонтина. Зачѣмъ же ей тогда такъ рядиться?

Фрау Филицъ. Ахъ, оставь ее въ покоѣ! Она его заслужила.

Леонтина. А она вотъ является привидѣньемъ на чердакъ, къ постели Ланггейнриха.

Фрау Филицъ. Да брось же ее! Брось! Не говори больше. Онъ порядкомъ таки измучилъ ее, хотя она много ему принесла. Ей все время приходилось только шить да зарабатывать... Ничего удивительнаго, что она и въ гробу не находитъ покоя.

Леонтина. А кто же ей велѣлъ выходить за Ланггейнриха?

Фрау Филицъ. И, брось эти старыя исторіи! Про старое я и знать не хочу. У меня и безъ того голова достаточно набита. Я, вообще, не знаю, что со мной такое. Ужъ и безъ того чертовщина иногда торчитъ передъ глазами.

Леонтина. А если онъ и меня такъ-то вотъ захочетъ обмануть...

Фрау Филицъ. Мастеръ-то? Ну, и пусть его. Въ этихъ дѣлахъ всѣ они куда не годятся. Еслибъ среди нихъ хоть одинъ

ссыкался, на кого на дѣлѣ-то можно было бы понадѣяться.. да, это была бы для меня совершенная новинка.—Главное, вотъ что: всегда быть на чеку. Человѣкъ онъ не дурной. Разсуждаетъ совершенно здраво. Не мотай. Сама знаешь, какъ онъ расцѣтливъ! Тряпки его береги. За дѣвченкой его поухаживай. Вѣдь онъ же ничего не имѣетъ противъ твоего мальчика. Филицъ, въ праздничномъ платьѣ, снова появляется изъ каморки. Въ такомъ видѣ тебѣ нельзя ходить на обѣдъ! Поди сюда, я тебѣ пуговицу покрѣпче пришью.

Филицъ. Да нельзя же такъ! Не сходи ты съ ума.

Фрау Филицъ. Лѣвой рукой держитъ его за край брюкъ и, сидя на стулѣ, начинаетъ шить. Что жъ тутъ подѣлаешь, если человѣку стало трудно двигаться?! О тебѣ и безъ того достаточно заботятся.

Филицъ. Было да прошло! Не лги! Я—какъ старый сапогъ! Вы меня совсѣмъ въ уголъ забросили.—Это ты перевела мои часы?

Леонтина. Ну, конечно! А то стучать. Уходить.

Филицъ. погоди ты у меня!

Фрау Филицъ. Да вѣдь мастеръ просто пошутилъ, Филицъ!

Филицъ. Я вамъ всѣмъ покажу, мать, разъ ужъ я въ люди вышелъ. Я еще сегодня со всякимъ помѣряюсь.

Фрау Филицъ. Ну еще-бы, само собой разумѣется.

Филицъ. Ты вотъ погоди годика два, кто больше денегъ положить въ карманъ: Шмаровскій, Ланггейнрихъ или я!

Фрау Филицъ. Да что у тебя всегда съ Ланггейнрихомъ? Онъ пріютилъ насъ у себя въ домѣ..

Филицъ. Конечно,—потому что онъ скряга, потому что онъ хочетъ подороже содрать съ жильца.

Фрау Филицъ. А ты радуйся, что мастеръ—такой человѣкъ.

Филицъ. А къ чему эта исторія съ фитилемъ?.. А ты, мать, знай, ползай передъ нимъ.

Фрау Филицъ. Что же это была за исторія?

Филицъ. Исторія! А то что жъ иное! Объ этомъ даже докторъ Боксеръ говорилъ.

Фрау Филицъ. Про твои исторіи я и вѣдать не вѣдаю.

Филицъ. Ну, мать, совѣсть-то у меня чиста!

Фрау Филицъ. Такъ поди и поставь себя подъ колпакъ.

Филицъ. На этотъ разъ, мать, я больше ничего не скажу..

Фрау Филицъ. Глупости!

Филицъ. Ладно!—

Фрау Филицъ. Тутъ Шмаровскій заходилъ. Какъ же теперь съ перезалогомъ?

Филицъ. Онъ меня въ четвертый разрядъ хочетъ отнести?

Фрау Филицъ. Извѣстное дѣло: такая постройка денегъ стѣбитъ.

Филицъ. Шмаровскій прогоритъ съ этими постройками.

Фрау Филицъ. Глупости!

Филицъ. Нѣтъ, не глупости! Потому что это въ немъ застыло, какъ болѣзнь.

Фрау Филицъ. Такъ ты теперь согласенъ? Это—главное.

Филицъ. Упаси Богъ, нипочемъ! На то я раньше былъ комиссаромъ и самыя щекотливыя дѣла вѣдалъ, да самъ Верганъ хвалилъ меня, да-съ, и нарадоваться не могъ, какъ я хитеръ былъ.. Нѣтъ, мать! Меня-то не проведешь.—Считать-то я умѣю! И перомъ владѣю! Я наполовину адвокатъ, мать. Такому-то дѣльцу меня не провести.

ШМАРОВСКІЙ входитъ, очень озабоченный. Одѣтъ въ другое платье: свѣтлое лѣтнее пальто, изящная шляпа и трость. Въ рукѣ у него свитокъ строительныхъ чертежей.

Шмаровскій. Съ добрымъ утромъ, фрау Филицъ. Ну, какъ ваше здоровье? Простуду-то легко пересилили?

Фрау Филицъ. Благодарствуйте. Налаживается! Садитесь.

Шмаровскій. Да. Посижу. Заслужилъ. Съ четырехъ часовъ утра на ногахъ! Одинъ Богъ знаетъ, какъ я только ползаю.

Филицъ. Съ добрымъ утромъ. Я пока тоже здѣсь.

Шмаровскій. А, здравствуйте, васъ-то я совсѣмъ и не замѣтилъ. Въ эти дни голова у меня биткомъ набита...

Филицъ. И у меня.

Шмаровскій. Очень просто. Не смѣю сомнѣваться! Можетъ быть, вамъ нужно переговорить со мной? Милости просимъ.

Филицъ. Сейчасъ некогда! Сейчасъ я занятъ другимъ. Мнѣ нужно повидать одного господина на вокзалѣ. Насчетъ русскихъ резиновыхъ калошъ. Позднѣе! Непремѣнно! А сейчасъ некогда. Уходить въ горделивомъ возбужденіи.

Шмаровскій. А сапожникъ положительно выставляетъ насъ на смѣхъ. Во всѣхъ кабакахъ что-нибудь да затѣваетъ. И недавно вотъ вышла исторія, ну, тамъ, въ залѣ второго класса. Онъ пролѣзъ прямо туда и произнесъ глупѣйшую рѣчь, недалеко отъ почетнаго стола. О фабрикахъ и еще о какихъ-то затѣяхъ.

Фрау Филицъ. Да онъ чисто совсѣмъ рехнулся.

Шмаровскій. Такъ здоровье у васъ ничего?

Фрау Филицъ. Такъ себѣ, да. Только вотъ стуку совсѣмъ не переносу. Какъ бы поскорѣе отсюда убраться!

Шмаровскій. Потерпите! Ради Бога только потерпите. До сихъ поръ все шло довольно сносно, только теперь еще нельзя торопиться. Все-таки потерпите. Мнѣ самому выгодно покончить съ этимъ. Но, къ сожалѣнію, чудеса творить я не мастеръ. Я радъ, что строила уже на мѣстѣ. Я знаю, сколько денегъ мнѣ это стоило—а тутъ еще эти исторіи за исторіями. Показываетъ ей множество вскрытыхъ писемъ. Конечно, всѣ безъ подписи! Подлѣйшія ругательства: по адресу Филица, вашему и, разумеется, моему.

Фрау Филицъ. Я рѣшительно не пойму, чего люди хотятъ. Свались только съ ногъ, а за тычками дѣло не станетъ. Это во-первыхъ! Иначе не бываетъ. Они же насъ на всѣ лады допрашивали. Мнѣ трижды пришлось въ судъ бѣгать. И если бы дѣйствительно что-нибудь было, то ужъ они бы дознались!

Шмаровскій. Ну, объ этомъ я не стану распространяться! Это дѣло ваше, и меня это нисколько не касается. Что касается лично меня, я людямъ указалъ. А если кому вздумается меня за полу трясти, такъ я тому весь фракъ изорву въ клочки. Пусть пасторъ Фридрици замѣтитъ себѣ это, въ его карты я часто заглядывалъ. — А чтобы ужъ всю правду говорить, потому что я же, какъ видите, готовъ: дѣло устроится: только—деньги! Деньги! И деньги.

Фрау Филицъ. Филицъ не желаетъ.

Шмаровскій. Г. Филицъ долженъ!

Фрау Филицъ. Да онъ все еще о лавкѣ мечтаетъ. Нельзя ли оставить какой-нибудь уголокъ?

Шмаровскій. Да вѣдь плательщикъ! Плательщикъ! Не могу. До чего же я дойду, если я съ этого начну? Да на это у васъ своего ума хватить. Нѣтъ. Про это нигдѣ не писано. Тутъ и рѣчи быть не можетъ. — Между прочимъ, на обѣдѣ будетъ банкиръ, а ему-то, фрау Филицъ, я долженъ изложить все дѣло. Такъ вотъ, чтобы все ужъ было въ порядкѣ. А то... мнѣ придется сѣсть на мѣль...

Фрау Филицъ. Ну, ну, я ужъ устрою! Будьте спокойны!

Шмаровскій. Ладно. А теперь еще одно обстоятельство. Вы слышали снова про Раухгаупта?

Фрау Филицъ. Слыхала. Про то, что онъ все еще не хочетъ заткнуть себѣ глотку и всюду трезвонить о насъ. Та же исторія, что и съ Верганомъ. Я Раухгауптамъ кромѣ добра ничего не дѣлала. А онъ-то ходитъ и ходитъ день изо-дня и этими старыми исторіями прямо изведетъ человѣка,—а все это чистѣйшая выдумка! Впрочемъ... ну да!.. кто его знаетъ!.. такой человѣкъ... онъ можетъ до тѣхъ поръ допытываться, пока, пока... наконецъ... чего-нибудь не выйдетъ!

Шмаровскій. Не бойтесь, фрау Филицъ! Дальше они не пойдутъ, отъ этой исторіи и слѣда не осталось. — Кстати ужъ и плотники собираются: мнѣ нужно къ нимъ, пару словъ проронить. Такъ вотъ что: если только Раухгауптъ еще разъ

явится, то вы можете у него кое-что выведать. Теперь-то собственно новая полоса пошла. Социальный вопрос! Гигантское дѣло! Разумѣется, я и въ этомъ принимаю участіе, какъ и всюду я теперь принимаю участіе. Намъ бы вотъ землю у Раухгаупта... Онъ еще тогда купилъ ее совсѣмъ за безцѣнокъ, и если бы намъ заполучить ее въ однѣ руки, то тутъ цѣлый миллионъ выскочить, а то и больше.

Фрау Филицъ. Вотъ тутъ у меня еще двѣ книжки сберегательной кассы.

Шмаровскій. Премного благодаренъ! Это мнѣ очень кстати. Иногда можно и не поскучиться...

Фрау Филицъ. Дѣвчонка идетъ! Скорѣе! Спрячьте въ карманъ. Шмаровскій быстро прячетъ книжки, киваетъ фрау Филицъ и поспѣшно уходитъ. Фрау Филицъ полуприподнимается со стула и съ напряженнымъ вниманіемъ смотритъ въ окно. Какъ бы они еще и сегодня не слишкомъ шумѣли! Уже очень тамъ много народу собралось. Входитъ Леонтина съ тремя бутылками вина и стаканами.

Леонтина. Мама! А мама! Онъ опять здѣсь. Безтолковый Раухгауптъ опять здѣсь.

Фрау Филицъ. Вскрикивая. Кто?

Леонтина. Да Раухгауптъ! Идетъ слѣдомъ за мной. Ставить бутылки и стаканы на столъ.

Фрау Филицъ. Рѣшительно. Пускай! По мнѣ, пускай придеть. Я, наконецъ, скажу ему всю правду. Раухгауптъ заглядываетъ въ дверь.

Раухгауптъ. Не помѣшаю, хозяйка?

Фрау Филицъ. Мнѣ-то не помѣшаете.

Раухгауптъ. А развѣ я кому-нибудь мѣшаю—?

Фрау Филицъ. Не могу знать. Смотря, кому.

Раухгауптъ. Входитъ въ комнату; онъ кажется менѣе опустившимся, чѣмъ прежде. Здравсте! Поздравляю, хозяйка. Опять вотъ хочу взглянуть, все ли въ порядкѣ.

Фрау Филицъ. Съ вынужденной веселостью. Да вы же, Раухгауптъ, всюду носъ суете.

Раухгауптъ. Выпучивъ на нее глаза, съ удареніемъ. Всюду-съ! Есть грѣхъ! Совершенно справедливо.—Я тутъ доктора Боксера встрѣтилъ. Онъ скоро къ вамъ собирается. Я у него кое о чемъ спросилъ.

Фрау Филицъ. О чемъ же именно?

Раухгауптъ. Про давешнее. Не то онъ Ланггейнриху про что-то говорилъ, не то Ланггейнрихъ ему.

Фрау Филицъ. До вашихъ исторій мнѣ ровно никакого дѣла нѣтъ. Леонтина! Сходи, принеси немного колбасы, чтобы было чѣмъ закусить, если они потомъ еще и сюда пожалуютъ.

Раухгауптъ. А свѣтъ все дальше идетъ.

Фрау Филицъ. А то какъ же! Такъ ужъ устроено!

Леонтина. А не лучше ли мнѣ теперь здѣсь остаться, мать?

Раухгауптъ. Ступай, купи себѣ шелковые чулки.

Фрау Филицъ. Что же это значитъ?

Раухгауптъ. И, только всего и значитъ. Я думаю, что она тоже графиня. Она же была въ лавкѣ у госпожи Боксеръ... ну, Адельгейда, что за Шмаровскимъ!—приторговывала у старухи шелковую юбку. Она же знатная графиня, фрау Филицъ, на ней вѣдь и красные шелковые чулки были.

Леонтина. У нашей сестры и на бумажные не хватаетъ. Уходитъ.

Фрау Филицъ. А что вы еще наклеветаете на Адельгейду?

Раухгауптъ. Клеветы тутъ нѣтъ никакой,—говорю, что есть! Недавно возчикъ выгрузилъ все пиво, простое пиво, у тетюшки Кервидеръ... у Кервидеръ, что тутъ бѣлье стираетъ. Туда-то графиня и пожаловала. Это съ нею бываетъ! А носъ-то задираетъ,—не приведи Богъ! Гордости-то въ этомъ можетъ и не быть—а потомъ она спрашивала у тетюшки Кервидеръ—пить ли бѣдный народъ пиво.

Фрау Филицъ. Да ну васъ, съ вашими толками да пересудами вы мнѣ надобли.

Раухгауптъ. Да, что я васъ хотѣлъ спросить, хозяйка: я тутъ вотъ на новый слѣдъ попалъ.

Фрау Филицъ. Какой же это слѣдъ, Раухгауптъ?

Раухгауптъ. Silentium, какъ говорится! Остерегаться. Не могу сказать. Больше ничего не знаю. Все это я прослѣдилъ по всѣмъ правиламъ искусства. И для разоблаченія приняты мѣры. Въ довершеніе всего я опять къ Вергану ходилъ, онъ меня крѣпко уговаривалъ.

Фрау Филицъ. Плутовато. Боже мой, Верганъ. Пользы отъ него много будетъ. Но вѣдь это всѣхъ вашихъ денегъ будетъ стоить.

Раухгауптъ. Вотъ что, хозяйка, разъ ужъ мы теперь разузнали, то я вамъ все на ладонь выложу. Малѣйшая тайна будетъ обнаружена. И прокуроръ снова уши наострилъ! Во-первыхъ, вотъ что: кругъ-то большущій обвели, но, хозяйка, онъ все уже и уже стягивался, и вотъ всѣ они сидятъ въ западнѣ.— Я разумѣю: мошенники, которые, значить, подожгли. Конечно, хозяйка, васъ я не имѣю въ виду.

Фрау Филицъ. А я бы, конечно, все это дѣло скоро оставила въ покоѣ. Всю-то жизнь наружу все равно не выведешь!

Раухгауптъ. Пари, хозяйка, — сколько? По рукамъ!

Фрау Филицъ. Во-первыхъ, никогда ничего наружу и не выходило...

Раухгауптъ. Пари, хозяйка, — сколько? По рукамъ. Тутъ только терпѣніе нужно. Вы же, хозяйка, велѣли Густаву быть здѣсь въ одиннадцатомъ часу, съ сѣменами-то. Затѣмъ Шульце проходила мимо вашей двери, фрау Филицъ! Отъ слѣдовъ я носа не отвожу.

Фрау Филицъ. А я вамъ вотъ что скажу, Раухгауптъ: до вашего носа мнѣ ровно никакого дѣла нѣтъ! А если, доложу я вамъ, вы съ этимъ не перестанете, если вы по цѣлымъ днямъ все будете насъ обнюхивать, то... ей Богу, у меня всякое терпѣніе лопнетъ.

Раухгауптъ. Значить, вы на меня, хозяйка, жалуетесь.

Фрау Филицъ. По мнѣ, хоть прямо въ глаза говорите. Тогда ужъ будемъ знать, чѣмъ вамъ отвѣтить! А у Шульце тутъ кляузничать нечего! Я эту распутницу швыркомъ отсюда вышвырнула. А то она шляется сюда да подговариваетъ. Все старается Леонтину къ себѣ переманить. Вахмистру Шульце это очень пришлось бы по вкусу. Но дѣвка у меня не такая! И пошла старая вѣдьма трезвонить! А раньше о васъ трезвонила!—И не пойму: вы тутъ все жужжите да жужжите! А что дурного случилось съ вашимъ мальчишкой, а? Его устроили. Приютили! И уходъ за нимъ есть, и ѣда хорошая!

Раухгауптъ. Ну, нѣтъ, этимъ-то я себя не утѣшаю. Это, хозяйка, не будетъ тяготѣть надо мной! Ни надо мной, ни надъ Густавомъ. Нипочемъ. Это меня грызетъ! Я такъ не оставлю. Мнѣ это десять лѣтъ жизни стоило. Я ужъ знаю! Знаю, что я выстрадалъ, я изъ-за этого въ петлю полѣзъ. Никогда, ни за что на свѣтѣ. Я-то ужъ разыщу, кто это сдѣлалъ. Смѣю васъ увѣрить, я ужъ принялся за это.

Фрау Филицъ. Ахъ ты, Боже мой, да почему бы и нѣтъ? Сдѣлайте одолженіе! Ворчите! Мнѣ то что до этого? Стану я тутъ вамъ постоянно тревожиться, мнѣ это докторъ запретилъ. Да я...

Раухгауптъ. А вѣдь никто-то, хозяйка, и не знаетъ, въ чемъ тутъ суть. А я знаю. Прибѣжалъ я тогда домой и ни зги не видѣлъ. Я ничего, видитъ истинный Богъ, ничего не зналъ, у меня все нутро перевернуло: я только и дѣлалъ, что пыхтѣлъ да пыхтѣлъ. А потомъ я — да! — трупомъ въ постели лежалъ: и сукномъ-то растирали! И щетками! И камфорой вспрыскивали и прочее! И тутъ-то я ужъ ожилъ!

Фрау Филицъ. Да вы, Раухгауптъ, это уже тысячи разъ рассказывали! Одно думаю, вы совсѣмъ съ ума спятили. Ну, такъ что же? Я тоже пострадала! Мнѣ эта исторія денегъ стоила. Кому же изъ насъ отъ этого хуже стало? Вамъ или мнѣ? Хотѣла бы я знать. Вы здоровы, и какъ еще выглядите сего-

дня! А я? Что я такое? Каково я нынче выгляжу? Такъ чего же, собственно, вы еще хотите? Я даже свои похороны во снѣ видѣла!—Такъ вотъ видите, въ чемъ же дѣло? Мѣсто я скоро опростаю. Съ этой травлей отъ меня уже немного наживеши. Вотъ что!—Вы совсѣмъ сумасшедшій человѣкъ, Раухгауптъ. До того свихнулись... и не повѣришь. Раньше вы все хотѣли избавиться отъ мальчика..

РАУХГАУПТЪ. Да вы, хозяйка, Густава-то совсѣмъ и не знаете! Что такое мальчикъ, какъ я его держалъ у себя... и съ дѣтми онъ ладилъ и все такое! А поетъ-то! И соображеніе есть! И когда онъ недавно убѣжалъ — изъ смирительной тюрьмы къ Тегелю — тутъ] онъ, хозяйка, усѣлся у церкви, гдѣ онъ всегда ждетъ колокольнаго звона, и по-прежнему смиренно хонько слушалъ колокола. Вы бы тогда посмотрѣли, какъ это отражается на его лицѣ. Это что-нибудь да значить! Онъ только всего-то не можетъ выразить такъ, какъ нашъ братъ выражаетъ.

ФРАУ ФИЛИЦЪ. Да я тоже потеряла сына, Раухгауптъ! Да! Самого лучшаго. Вотъ видите! Коситесь послѣ этого на меня. На своемъ вѣку я тоже не шулки шутила.—Коситесь на меня! Почему знать, можетъ быть, у васъ всякая охота пропадетъ, если она у васъ еще раньше не пропала.

РАУХГАУПТЪ. Я человѣкъ сговорчивый, хозяйка, но тутъ ужь... Я, хозяйка, сговорчивый человѣкъ. Я не по доброй волѣ былъ полицейскимъ, но вѣдь...

ФРАУ ФИЛИЦЪ. Ну, да! Разумѣется! Кто же этого не знаетъ! Въ томъ-то и дѣло! Теперь вы хуже всѣхъ! — Сзади, какъ злая собака. А сердце-то у васъ вѣдь доброе, Раухгауптъ! Такимъ васъ всякій ребенокъ зналъ. Господи, ну, послушайте, что же это такое!? — Откупорьте вонъ ту бутылку! Отчего бы намъ и не выпить по капелькѣ, вмѣстѣ! Раухгауптъ вытираетъ глаза и идетъ откупорить бутылку. А потомъ можемъ опять грызться! Иначе въ жизни и не бываетъ! — Этого не измѣнишь: это ужь отъ глупости. А когда захочешь людямъ открыть глаза: ни за что! Глупость міромъ править.

А что мы такое: вы, я и всѣ мы вмѣстѣ взятые? Всю жизнь мы должны были надрываться и бѣдствовать, каждый по своему. Вѣдь такъ! Ну, вотъ! Мы знаемъ, въ чемъ дѣло. Кто не поступаетъ, какъ другіе, тотъ лѣнтяй, а кто поступаетъ, того осуждаютъ.—А все-то берется изъ навозу. Нашему брату приходится во всякомъ навозѣ копаться! Это называется быть всегда хорошимъ. А какъ же иначе и быть? Нѣтъ, гдѣ ужь тутъ намъ, помириться!

Жаждала я, это правда. И вполне понятно! Хочется выбраться изъ этой тины, въ которой всѣ мы грыземся безъ разбору... Вонъ! Подальше! Куда-нибудь повыше... Правда, что вы хотите уѣхать отсюда, Раухгауптъ?..

РАУХГАУПТЪ. Я объ этомъ подумывалъ, фрау Филицъ. А почему, это знаетъ только докторъ Боксеръ да я. Онъ издаетъ глубокий стонъ. Я хочу быть ближе къ Густаву, не только изъ-за этой исторіи, нѣтъ! Мнѣ тутъ больше не житье, теперь здѣсь на меня всѣ такъ косо смотрятъ. Откупорилъ бутылку и наливаетъ два стакана.

ФРАУ ФИЛИЦЪ. Ну, вотъ еще! Какое намъ дѣло до людей

РАУХГАУПТЪ. Нѣтъ, Нѣтъ! Разъ кто такъ-то вотъ поступилъ... тутъ ужь! Разъ кто до того дошелъ, что—какъ служащій!—взялъ себѣ веревку и... Не пойму, хозяйка! Не пойму, зачѣмъ я это долженъ былъ сдѣлать. — Только они вотъ вынули меня изъ петли. Пьетъ.

ФРАУ ФИЛИЦЪ. Значить, все это правда, о чемъ тамъ носятся слухи?

РАУХГАУПТЪ. Видите-ли, это разошлось среди людей. И то, что я... какъ служащій!—когда я начинаю думать, нѣтъ, этого ужь не смоешь нипочемъ. Пьетъ.

ФРАУ ФИЛИЦЪ. А я вотъ что скажу, чокнемте-сь! До людей мнѣ никакого дѣла нѣтъ — а если вы хотите продать — почемъ знать!.. Я переговорю со Шмаровскимъ, въ концѣ концовъ, вы, можетъ быть, согласитесь. Входятъ докторъ Боксеръ, Эде и Леонтина.

Боксеръ. Да у васъ тутъ совсѣмъ весело, фрау Филицъ!
Фрау Филицъ. Сегодня! Въ видѣ крайне рѣдкаго исключенія! Право!

Эде. Молодуха! Хотите посмотрѣть, молодка? Ланггейнрихъ на самой верхушкѣ пляшетъ.

Фрау Филицъ. Съ большимъ трудомъ поднимается и смотритъ наружу.

Леонтина. Натакія вещи я совсѣмъ не могу смотрѣть, мама!

Эде. Пускай упадетъ! Онъ падаетъ на ноги. Мастеръ во всѣхъ отношеніяхъ кошачьей породы.

Д-ръ Боксеръ. Шутливо грозя, вполголоса Раухгаупту. Моихъ пациентовъ у меня не беспокоить! А то все лѣчение къ чорту!

Фрау Филицъ. И, оставьте его въ покоѣ! Его за-
травили, а все люди. Хотя онъ самый лучший человѣкъ на свѣтѣ.

Д-ръ Боксеръ. Послѣ этого-то! А раньше? А какъ наши дѣла, хозяйка?

Фрау Филицъ. Слава Богу! Только вотъ—указывая на грудь,—
вотъ тутъ, что-то надорвалось. Ну, и пусть! Въ концѣ концовъ
всѣмъ придется ноги протянуть. Я чуточку пожила.

Д-ръ Боксеръ. Не говорите такъ много! Подольше языкъ
за зубами. Раухгаупту. Кстати, у меня къ вамъ порученіе. Г. Шма-
ровскій видѣлъ, какъ вы входили сюда, вотъ онъ и остановилъ
меня: не пожалуете ли вы на обѣдъ!

Фрау Филицъ. Ну, конечно, Раухгауптъ! Почему бы и
не сходить?

Раухгауптъ. Да я и не собирался отказываться, хозяйка.

Фрау Филицъ. А вы, г. докторъ?

Д-ръ Боксеръ. Быстро. Упаси Богъ! Не могу!

Фрау Филицъ. Почему же? Развѣ вы сердитесь?

Д-ръ Боксеръ. Я? Сержусъ? Сердиться я не могу. Но
видите ли: я погибшій человѣкъ. Не отрицаю, дѣло забавное.
Но принимать участіе—нѣтъ! Этимъ я не занимаюсь. По всей
вѣроятности, я опять уѣду.

Фрау Филицъ. И бросите такую прекрасную практику?

Д-ръ Боксеръ. Морское путешествіе! Это оздоравливаетъ
человѣка. Это—лучшая практика, фрау Филицъ, если кто въ
другомъ не особенно практиченъ.

Фрау Филицъ. Да, вы совершенно не практичны!

Д-ръ Боксеръ. Нѣтъ, куда ужъ мнѣ.—Ну, ну,—вы только
послушайте, какъ ихъ тамъ опять разбираетъ! Крики многихъ голо-
совъ: Опять колоссальное воодушевленіе. Они скоро Шмаров-
скаго на щитъ поднимутъ. Дѣло было ужъ близко къ этому!
Снаружи громкіе, воодушевленные возгласы чествующихъ голосовъ. Ну, видите?
Это же возвышаетъ сердце!

Леонтина. Мать, посмотри, кого они тамъ качаютъ! Ра-
бочіе качаютъ кого-то!

Фрау Филицъ. Да кого же?

Леонтина. Развѣ не видишь, кого?

Раухгауптъ. Шмаровскаго.

Эде. То-то и есть. А я и духу его не выносилъ. Но вотъ...
нѣтъ... разъ онъ сталъ благоразуменъ и стоитъ за здоровыя
идеи:—чтобы, значить, никакого произвола и насилія, то... то..
тутъ ужъ пускай его даже величаютъ!

Д-ръ Боксеръ. Конечно, Эде! Ясное дѣло! Разумѣется
Входитъ Филицъ въ крайнемъ возбужденіи.

Филицъ. Я... я... я... я... это я сдѣлалъ!—Кричите, кричите!
Они его качаютъ. Ну нѣтъ, такихъ-то рѣчей я не произношу.
Характеръ! Совѣсть! Вотъ что главное. Да! Платилъ и строилъ
я. А если и Верганъ отступился отъ меня, то отъ порядоч-
ныхъ убѣжденій я не отступлюсь! Порядокъ долженъ быть
Нравственность должна быть! Я остаюсь монархистомъ до
мозга костей! Въ такомъ-то торжествѣ я тебѣ не завидую!

Д-ръ Боксеръ. Пст! Филицъ! Подите-ка сюда къ свѣту.
Я посмотрю ваши глаза.—Такъ зрачекъ у васъ не движется?!

Фрау Филицъ. Порывисто и судорожно вздыхаетъ, выбрасываетъ, какъ
бы отъ радости, руки вверхъ и, полу-блаженно, полудиспуганно, испуская вздохъ
кричитъ. Юліанъ!!!

Леонтина. Мама! А мама!

Эде. Она уснула.

ЛЕОНТИНА. Ища помощи у доктора. Мать все вотъ такъ хватаетъ руками—?

Д-ръ Боксеръ. Кто? Гдѣ же? Фрау Филицъ!

ЛЕОНТИНА. Вы только посмотрите!

Эде. Смѣясь. Ужъ не воробья ли въ воздухъ хотеть поймать?

Д-ръ Боксеръ. Отошелъ отъ Филица и направился къ фрау Филицъ. Фрау Филицъ! Филицъ въ возбужденіи, не обращая вниманія на происходящее, отходить въ глубину и исчезаетъ. Раухгауптъ напряженно слѣдитъ у окна за происходящимъ наружу.

ЛЕОНТИНА. Не понимаю, мать совсѣмъ не хочетъ отвѣчать!

РАУХГАУПТЪ. Мнѣ думается, они хотятъ направиться сюда!

Д-ръ Боксеръ. Да что такое, фрау Филицъ? Что съ вами? Что вы все водите руками?

ФРАУ ФИЛИЦЪ. Особеннымъ образомъ, обѣими руками, ловить что-то надъ собой. Тянешься... Тянешься... Все вотъ тянешься.

Д-ръ Боксеръ. Да къ чему же?

ФРАУ ФИЛИЦЪ. Какъ, выше. Тянешься... тянешься къ чему-то... Руки у нея безсильно падаютъ, она умолкаетъ.

ЛЕОНТИНА. Доктору Боксеру. Спать?

Д-ръ Боксеръ. Да, уснула. Только не пускайте теперь сюда народъ.

РАУХГАУПТЪ. Всей толпой съ шумомъ идутъ сюда.

Д-ръ Боксеръ. Рѣшительно. Остановить! Эде! Какъ можно скорѣе остановить! Эде уходить.

ЛЕОНТИНА. Г. докторъ, что же такое съ матерью?

Д-ръ Боксеръ. Ваша мать...

ЛЕОНТИНА. Ну, что же?

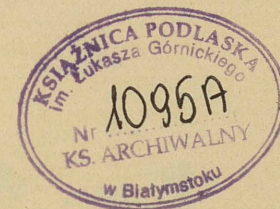
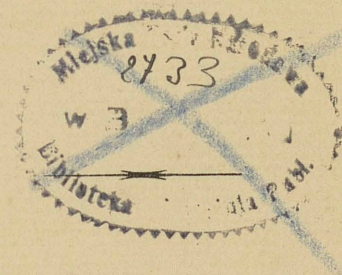
Д-ръ Боксеръ. Съ удареніемъ. Уснула.

ЛЕОНТИНА. Съ выраженіемъ ужаса на лицѣ, готова воскликнуть; докторъ энергично схватываетъ ее, держитъ руку у рта, она овладѣваетъ собой. Г. докторъ, да она же только-что говорила...?

Д-ръ Боксеръ. Лѣвою рукой бережно тянетъ ее за локоть ближе и кладетъ ея правую руку на чело умершей Филицъ.

Говорила! А съ этихъ поръ она умолкла.

Въ глубинѣ стоитъ Филицъ, безъ всякаго интереса къ происходящему, внимательно и сосредоточенно рассматривая въ ручное зеркальце свои глаза.

3950

3950

3957

A

10